

ОЧИЩЕНИЕ ВОЗМЕЗДИЕ

Эдгар Грант

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эдгар Грант

Очищение. Возмездие

«Автор»

2026

Грант Э.

Очищение. Возмездие / Э. Грант — «Автор», 2026

ОЧИЩЕНИЕ. ВОЗМЕЗДИЕ – продолжение цикла романов ОЧИЩЕНИЕ и ОЧИЩЕНИЕ РИКОШЕТ. Действие переносится следующее десятилетие, в США, где разворачивается катастрофа, инициированная в предыдущем романе. Какая судьба ждет агонизирующую Америку? Какие силы задействованы в ее спасении? Какие фантастические технологии использованы? И наконец, какое место в судьбе разрушенного гегемона отведено России? Об этом и многом другом читайте в романе Эдгара Гранта ОЧИЩЕНИЕ ВОЗМЕЗДИЕ.

© Грант Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Чили. Пуэрто-Варас. Июнь 2031	5
США. Флорида	11
США. Орегон	43
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Эдгар Грант

Очищение. Возмездие

Чили. Пуэрто-Варас. Июнь 2031

Все чаще и чаще Норман Ригс чувствовал, что устал. Это была не простая усталость, какую можно сбить месяцем отдыха от дел где-нибудь в одиночестве на тихом пляже или же, наоборот, в шумном курортном городке в компании горячих подружек. Его просто все достало. Компания, оперуха, мутные расклады, тайные кураторы из Вашингтона, при любой администрации плетущие свою липкую паутину. Все, казалось, осточертело настолько, что хотелось передать дела партнерам и зашиться в своей норе – отдаленном курортном городке Пуэрто-Варас в Чили. И все же он пока считал себя оперативником. Оперативникам нужны операции. Поэтому Матрица постоянно была в деле, а в свою нору в Пуэрто-Варас он наведывался пару раз в год, чтобы расслабиться и несколько дней побыть одному.

После оглушительного провала операции с ядерным устройством на Украине семь лет назад¹ Ригс ненадолго попал в черный список кураторов. Пришлось законсервировать Матрицу – его частную разведывательную компанию, выполнявшую эксклюзивные заказы, требовавшие максимальной секретности и профессионализма. Тогда он распустил людей и сам ушел на дно от греха подальше.

Сидя на террасе своего бунгало в Пуэрто-Варас, Ригс часто размышлял, что тогда произошло. Операция была спланирована безупречно. Матрица под видом обычного вербовщика наемников обосновалась в польском Жешуве недалеко от украинской границы. Из десятка кандидатов выбрали достойного – опытного французского спецназовца. Завербовали вслепую. Снабдили всем необходимым: документами, оборудованием, транспортом, контактами и сопровождением из СБУ. Его задача была до отупения проста – добраться в указанную точку на линии боевого соприкосновения с комплексом для анализа химобстановки и в указанное время его включить якобы для фиксации того, что русские используют химоружие.

Правда, в громоздком ящике химанализатора вместо тонкой аппаратуры находилось компактное ядерное устройство, любезно предоставленное Хофманом – его куратором в то время. Дальше – взрыв. Красочная картинка. Ай-ай-яй! Русские применили ядерное оружие! Ну а потом – полная международная изоляция, антирусская коалиция, страна-изгой или что еще там планировали в Вашингтоне извлечь из этого инцидента.

Вроде бы просто, но все закончилось эпическим провалом. Вначале французский наемник совершенно случайно напоролся на украинских нациков, которые насиловали местную малолетнюю девчущку. Будучи французом, он решил поиграть в рыцаря и, конечно же, их покрошил. Чтобы не нарваться на их дружков, его группа была вынуждена сменить маршрут и поехала по дороге, ведущей через лес рядом с серой зоной². Там она нарвалась на ДРГ русских. Те перебили сопровождение, а француза и его подружку-журналистку взяли в плен. Ядерное устройство, замаскированное под ящик газоанализатора, досталось им в качестве трофея и вместе с другим ценным барахлом было прикопано в кустах недалеко от места нападения. Командир ДРГ даже не догадывался, какой ценный приз ему достался.

Пленных переправили через ЛБС³. Ну а дальше русские контрразведчики, скорее всего, раскрутили француза. Может, нашли следы радиации на его одежде, может, еще что. Так

¹ События описаны в романах Эдгара Гранта «Очищение» и «Очищение. Рикошет».

² Нейтральная (ничья) территория на линии боевого соприкосновения.

³ Линия боевого соприкосновения.

или иначе, их заинтересовал странный газоанализатор. Группу разведчиков послали обратно, чтобы его забрать. Те, несмотря на все усилия Матрицы и спецназа СБУ, все-таки перетащили устройство на свою сторону.

Дальше к делу подключились профессионалы. «Ай-ай-яй!» очень даже получилось. Только прилетело оно в сторону Вашингтона. Еще бы. Француз показал, что его завербовали американцы для операции под ложным флагом. Он должен был переправить ядерное устройство на Украину и детонировать его в центре Киева. Все это, чтобы обвинить Москву.

Скандал русские раскрутили катастрофический. Стоила вся эта история прежней администрации Белого дома. Его вашингтонский куратор Хофман прямым текстом приказал уйти на дно, чтобы не попасть под зачистку. Тогда Ригс в первый раз перебрался в свою нору в Пуэрто-Варас, подготовленную как раз на такой случай.

Чили считалась одной из самых безопасных и спокойных стран в Латинской Америке с точки зрения преступности. При этом правительство особо не прессовало граждан. Еще полвека назад у населения после жесткого правления Пиночета выработался стойкий рефлекс, что закон нарушать опасно, лучше сидеть тихо и не высовываться – дольше проживешь. Времена хунты давно прошли, наступила завидная для многих демократия, но внутренний страх у людей остался. Чувствуя, что конфликтный потенциал у народа низкий, власти держали финансирование правоохранительной системы на необходимом минимуме с упором на персонал, а не на дорогие и сложные системы. В начале 20-х о биометрии речь вообще не шла. Максимум – скан паспорта на границе, который ложился в древнюю внутреннюю базу, не имеющую не то что автоматического распознавания лиц, но даже самой простой поисковой нейросети. Это был настоящий рай для профессионала, который хотел на время скрыться от посторонних глаз. Причем признанный всеми настолько, что вероятность наткнуться на беглеца здесь была выше, чем попасть в поле зрения местных силовиков.

Понимая, что рано или поздно придется лечь на дно, Ригс серьезно подошел к проблеме убежища. После ухода из ЦРУ он втайне от всех сделал себе несколько паспортов разных стран, но к Чили отнесся с особой тщательностью. Купил себе небольшую квартирку в приличном районе Сантьяго и скромное бунгало в курортном городке Пуэрто-Варас, расположенном на живописном берегу озера. Квартиру законсервировал, а бунгало сдал в аренду турфирме, чтобы местные привыкли, что люди туда приезжают постоянно. Несколько раз навещался сам. Прикидывался торговцем недвижимостью в Штатах и устраивал шумные пьянки с небогатыми, но очень дружелюбными соседями.

Никто не удивился, когда в июне 22-го хозяин бунгало появился вновь и, покрутившись пару дней по городку, собрал соседей у себя во дворе на барбекю. За хорошим местным вином под жаренные на огне стейки он с грустью поведал, что после ковида в Штатах наступили сложные времена: инфляция, люди стали экономить, бизнес идет туго – поэтому он решил пару месяцев провести здесь. В общем, легенда сработала неплохо. Ни у кого лишних вопросов не возникло.

Городок Пуэрто-Варас небольшой, тысяч десять местных плюс туристы, в основном богатые семейные горожане, приезжающие насладиться тишиной и великолепием горных пейзажей. А смотреть здесь было на что. На берегах огромного, шириной километров тридцать озера Льянкиуэ расположились два высоких величественных вулкана, на которых даже летом не стаивали снежные шапки. Вид на них с курорта был великолепный, а если добавить к нему качественное красное вино из расположенных на склонах виноградников, отборные стейки и искреннее гостеприимство местных, то провести выходные можно было очень даже содержательно.

Этим незамысловатым местным шармом Ригс в то время и наслаждался, периодически просматривая в даркнете закрытый чат, по которому держал связь со своими оперативниками и законсервированной Матрицей, оставленной на надежных партнеров. А еще он внимательно

следил за событиями вокруг Украины и ждал момента, когда русские разыграют так удачно попавший к ним в руки джокер. Сделали они это, нужно признать, безукоризненно. Причем Штаты получили мат в два хода.

Первым ходом русские сделали шах – предъявили миру американское ядерное устройство и двух свидетелей, подтверждавших, что они были завербованы ЦРУ для того, чтобы детонировать его в центре Киева и обвинить в этом Москву. Причем сделано это было по классике жанра: в прямом эфире одного из самых популярных телеканалов Америки. Этот спектакль стоил демократам большинства в Конгрессе, а через пару лет и Белого дома. Удержать власть в условиях постоянных обвинений в попытках развязать с Россией ядерную войну у них не было никакого шанса.

Но русские на этом не остановились. Вторым ходом они поставили Вашингтону мат, столкнув его лбом с Пекином, всячески уклонявшимся от прямого конфликта. Они взорвали изъятое у французского наемника ядерное устройство в Тайваньском проливе во время учений ВМФ Китая, затопив или повредив при этом два китайских эсминца. После такого события черт вырвался из табакерки и дал понять США, что при всей своей военной мощи в Тихом океане они не могут противостоять Китаю в пределах тысячемильной зоны от его континентальной территории. По результату бурного, но скоротечного конфликта Вашингтон был унижен, а Пекин установил полный контроль над Тайванем и над всей юго-западной частью Тихого океана.

С этого момента Штаты стали стремительно терять статус гегемона, отходить от своих европейских союзников и сосредотачивать усилия на контроле над Западным полушарием.

Конфликт в Тайваньском проливе, умело спровоцированный русскими, разделил мир на три зоны влияния. Вашингтон пытался установить и удержать контроль над Северной и Южной Америкой. Влияние Китая быстро распространилось на Юго-Западную Азию и Африку. Россия, находясь в плотном партнерстве с Пекином, подгрела под себя бывшие республики СССР и активно пыталась усилить влияние на ослабленную Европу, оказавшуюся в категории лузеров из-за войны на Украине, ослабления роли США в НАТО и прекращения торговли с Россией и Китаем.

Страны Центральной и Южной Европы охотно приняли партнерство с Москвой, дававшее доступ к ее дешевым ресурсам и огромному рынку. Однако Брюсселю все же удалось удержать под своим контролем агрессивный русофобский запад и север Европы, а также Польшу и Прибалтику. К концу третьего десятилетия из осколков Евросоюза понемногу начал собираться новый военный реваншистский альянс, претендующий на звание четвертого глобального центра силы.

Во всем этом кипучем море событий для Матрицы и ее производных работы было хоть отбавляй. Отсидевшись год в Чили после провала на Украине, Ригс стал получать от своих кураторов новые выгодные заказы. Действовать приходилось в основном в Южной Америке и на Ближнем Востоке, иногда в Азии. Проекты были интересные и, самое главное, проходили без крупных срывов.

Успехи в мутном мире тайных операций подняли авторитет Матрицы и Ригса у новых правителей Вашингтона на невиданную высоту. Денег было много. Настолько, что волей-неволей приходили мысли бросить порядком надоевшую оперуху, купить себе остров в далеком тропическом архипелаге, обустроить там убежище и наблюдать оттуда, как великий портной по имени История в очередной раз безжалостно перекраивает карту мира.

Возможно, Ригс бы так и сделал, но в один пасмурный зимний вечер в семейном чате своего сына, который он периодически тайно просматривал, чтобы понаблюдать, как растут внуки, появилось тревожное сообщение: «Папа, если ты еще жив и не забыл нас, почитай почту».

Сообщение от сына было немного сумбурным и эмоциональным. Чувствовались нотки паники и даже безысходности. Это можно было понять. Богатая, обустроенная по жизни моло-

дежь, выросшая в тепличных условиях, совершенно потеряла резистентность к кризисным ситуациям и впадала в депрессию по самому незначительному поводу. С другой стороны, то, о чем писал сын в письме, настораживало. Причем не только потому, что касалось его семьи. Сын утверждал, что он и его жена больны странной неизлечимой болезнью и дела у них совсем плохи.

По его словам, в Штатах разворачивалась эпидемия нового, неизвестного широкой публике заболевания, которую власти всячески пытались скрыть. По обрывочным материалам в СМИ и интернете, сравнивая симптомы, люди делали разные предположения, но официальные комментарии от правительства были скупы и больше походили на попытку оттянуть неизбежную взрывную реакцию населения на очередной надвигающийся кризис в здравоохранении.

За свою богатую приключениями карьеру Ригс сталкивался с проектом, связанным с биологическим оружием, только раз. Случилось это в 22-м году на Украине. Тогда пришлось хорошенько запачкать руки в отборном дерьме. Матрица специализировалась на тонких, хорошо продуманных операциях, проводимых с привлечением минимального количества людей, а еще лучше оперативников-одиночек. В тот раз куратор предложил откровенную мокруху. Нужно было послать группу спецов, чтобы под ноль зачистить объект под Харьковом. Из-за быстрого продвижения русских дело было настолько срочное и настолько секретное, что его нельзя было поручить даже группе силовой поддержки ЦРУ, находившейся в постоянной готовности в Киеве.

Хоть это был не его профиль и участвовать нужно было самому, чтобы лично убедиться в том, что заказ прошел без срыва, Ригс согласился, потому что деньги платили бешеные. В пожарном режиме из тех, кто был с ним в Жешуве, он собрал пятерку, похватал оборудование, связь, документы и доложил о готовности. Через два часа после первого звонка группа уже находилась в вертолете с маркировкой Красного Креста, который по согласованному с Киевом коридору уверенно шел на восток.

Через три часа полета высадились на военном аэродроме западнее Харькова. Там уже ждала группа сопровождения спецназа ГУР Украины. Пересели на броневые автомобили и двинулись к цели. Сложность была в том, что локация находилась совсем рядом с линией боевого соприкосновения. Активных действий в этой зоне не велось. Русские уткнулись в наспех организованный восточнее укрепрайон. Там остановились, размышляя, что делать дальше, и ожидая подкрепления. В любой момент они могли двинуться вперед, смять сопротивление, начать охват Харькова с севера и занять территорию, на которой находился объект. Отсюда и спешка.

До точки добрались быстро. Расположившийся в тополиной роще на окраине городка Мерефа объект снаружи выглядел, как типичный советский детский садик, но внутри оказался хорошо оснащенный центр биологических исследований. Несмотря на поздний вечер, в здании собрался почти весь персонал: десятка два ученых, лаборантов и obsługi. Похоже, им сообщили, что лаборатория закрывается и владелец хочет с ними расплатиться.

Первыми внутрь вошли гуровцы, вывели людей на улицу и без долгих разговоров расстреляли. Затем в здание, облачившись в костюмы биологической защиты, проник Ригс со своими людьми. Следуя инструкциям по связи, они собрали несколько жестких дисков, кое-какую бумажную документацию и упаковали в безопасные контейнеры десятков склянок с образцами. Потом заложили в подвале взрывчатку и расставили по лабораториям канистры с горючим гелем. Покинули лабораторию. Сбросили костюмы. Отправили гуровцев, чтобы те блокировали ведущую к зданию дорогу. Отошли на приличное расстояние, чтобы понаблюдать, как огонь пожирает внутренности секретной лаборатории. Когда обвалилась крыша и стали спадать вырывавшиеся из окон языки пламени, привели в действие взрывчатку, полностью разрушив остатки здания. После этого погрузились в броневые автомобили и через сорок минут были на аэродроме, где их ждал вертолет.

Позже, размышляя об этой операции, Ригс удивлялся, почему привлекли именно Матрицу, да еще в такой спешке и за огромные деньги. На момент начала боевых действий американские спецслужбы полностью контролировали СБУ. Отправили бы десяток головорезов из украинского спецназа под контролем одного американского оперативника, и они бы сделали всю работу не хуже. Собрали бы материал, зачистили, сожгли, взорвали. К чему было гнать вертолет из Жешува? Вывод напрашивался один. Скорее всего, Хофман, который был на то время его заказчиком и куратором, не хотел, чтобы ЦРУ знало об этой операции. По этой причине и для сопровождения привлекли спецов из Главного управления разведки Минобороны Украины, а не СБУ, которое полностью контролировалось из Лэнгли.

Позже выяснилось, что работавших на американцев биолaborаторий на Украине было больше десятка. Несколько из них даже оказались в зоне контроля русских, и ни по одной не было предпринято никаких мер по зачистке. Только эвакуировали американский персонал. А так все оборудование и документация остались на месте. Русские потом раздули из этого международного скандал. Типа, американцы ведут запрещенные исследования опасных патогенов в третьих странах. Но Хофману, да и всем остальным в Вашингтоне, было на это совершенно наплевать.

Напрашивался вывод, что лаборатория в Мерепе под Харьковом, как и исследования, которые в ней проводились, были особенными. Придя к такому нехитрому умозаключению, Ригс решил не забивать себе мозги дальнейшими размышлениями. Он проверил, что деньги за операцию от Хофмана пришли, и, довольный собой, занялся другими делами.

И все же где-то в глубине души тогда шевельнулся скользкий червячок профессиональной интуиции, подсказывавший, что этот инцидент еще всплывет в его жизни. Вот и сейчас, прочитав письмо от сына, он ощутил внутренний холодок нехорошего предчувствия и живо вспомнил те давние события на Украине. Опытному оперативнику очень не понравилось, что его подсознание связало настоящее и прошлое.

Еще раз перечитав сообщение, Ригс отписался сыну, что приедет в течение недели, плеснул себе немного бурбона и вышел на террасу.

Июнь в Южном полушарии – начало зимы. Она особенно чувствовалась в предгорьях. Дни стали короче. На небе висели низкие рваные тучи, закрывавшие заснеженные вершины нависавших над озером вулканов. С воды тянуло сыростью и прелыми водорослями, оставленными на берегу после расчистки лагуны с туристическими лодками. Солнце уже скатилось за западный хребет, и на долину быстро опускались промозглые зимние сумерки.

Зябко поведя плечами, Ригс сделал пару глотков бурбона и пошел внутрь. Нужно добавить отопление, зажечь очаг, потом устроиться в мягком уютном кресле и заказать билеты домой. Размышляя над тем, что такого могло случиться в Штатах, он не спеша направился к камину, но на столе тонко пискнул смарт.

Пришло новое сообщение от сына: «Боюсь, через неделю ты уже не застанешь ни меня, ни мою жену. Она совсем плоха. Тогда хоть позаботься о своих внуках. Их забрали в приют».

– Твою мать, – тихо выругался оперативник, почувствовав, как внутри все оборвалось.

Несколькими глотками допив бурбон, он рухнул в кресло, вошел в чат Матрицы и написал короткое сообщение дежурному администратору: «Это мистер Смит. Мне нужен частный самолет из Пуэрто-Монт⁴ до Орlando, Флорида, США. Плюс поддержка в Штатах. Срочно».

«В процессе», – тут же пришел короткий ответ.

Хмурый, как туча, Ригс бросил смарт на стол и пошел собирать дорожную сумку.

Через полчаса администратор сообщил, что Эмбрайер частной компании готовится к вылету из Сантьяго. Прибудет в аэропорт через три часа. Времени было с запасом, потому что Пуэрто-Монт располагался в двадцати минутах езды от его дома.

⁴ Административный центр области Лос-Лagos, в которой расположен курортный городок Пуэрто-Варас.

Что же все-таки происходит в Штатах?

Ригс опустил в кресло и включил американский новостной канал. Комментатор что-то вещал про международную повестку, про то, что президент внезапно изменил свои планы и отложил уже согласованное турне по Азии. Бегущей строкой шли короткие сводки, не имеющие к сообщению сына никакого отношения. В соцсетях тоже не было ничего по теме. Только жалобы на жестокую цензуру контента, особенно свирепствовавшую в последний год. Само по себе это было неудивительно. Правительства по всему миру поняли, что соцсети стали реальной проблемой, ввели ряд драконовских ограничений и значительно проредили наиболее активных участников, которые, по их мнению, представляли угрозу общественной безопасности.

«Может парень просто хочет вытянуть меня к себе в Штаты? – закралась в голову мысль. И тут же: – А если это подстава? Ловушка? Вдруг кто-то на самом верху хочет меня зачистить?»

Поджав губы, Ригс нервно заерзал в кресле. Если так, то он сам лезет прямо в пасть крокодилу. Он быстро прикинул, с чего бы ему попасть в черный список, и, не найдя в ближайшем прошлом ничего такого, за что на него можно было бы наехать таким витиеватым способом, немного успокоился.

Больше десяти лет Матрица была уникальным инструментом в руках Вашингтона. Она безупречно выполняла для него самую грязную работу и пользовалась у кураторов заслуженным доверием. Даже после украинского провала основной удар на себя взял Хофман, его заказчик. И все для того, чтобы сохранить оперативные возможности Матрицы.

Хофман. Интересно, где сейчас этот матерый старый лис. В 22-м году во время работы по Украине ему было под шестьдесят. Сейчас, наверно, уже на пенсии, сидит где-нибудь на своей вилле в Калифорнии и потягивает шардоне, похохатывая над тем, что происходит в мире. Если так, то почему бы не попросить у него дружеского совета?

Не особо рассчитывая на успех, Ригс извлек из памяти смарта адрес чата, которым семь лет назад они пользовались для коммуникации, и с удивлением обнаружил там признаки жизни. Хофман имел права администратора и, чтобы соцсеть не удалила чат как пустышку, раз в месяц слал короткое, ничего не значащее сообщение, а то и вовсе серию смайликов.

Последняя серия наводила на неприятные мысли. Все смайлики были грустные, а в конце строки лежала коричневая масса, очень напоминающая дерьмо, над которым кружился рой жирных мух.

– Пи-печ, – выдохнул оперативник.

Это странное сообщение было отправлено больше месяца назад. Что оно могло значить? Что его прежний заказчик и куратор в дерьме? Из-за чего? Может, из-за эпидемии? Тогда почему о ней нет информации в СМИ?

Нехорошее предчувствие, холодной ящеркой устроившееся внизу живота, шевельнулось и медленно поползло вверх, покрывая внутренности инеем. Подумав с минуту, Ригс оставил в чате знак вопроса – стандартный символ, при прошлом общении означавший все что угодно: от «как обстановка» до «жду инструкций».

США. Флорида

Новый, еще пахнувший заводской краской и свежей, не истертой пассажирами кожей богатых кресел Эмбрайер Легаси 450 шел на север над плотным покрывалом облачности, освещенным полной луной. Услужливая улыбчивая стюардесса принесла бокал шампанского, спросила, когда единственный пассажир рейса желает ужинать, и, увидев, как тот, задумчиво глядя в окно, покачал головой, удалилась.

Не спеша допив шампанское, Ригс попросил стакан бурбона и орешки, достал из сумки планшет и, подключившись к бортовому Wi-Fi, снова принялся листать новости из США. На этот раз он вошел на сайт Министерства здравоохранения. Среди обычной лабуды, которой чиновники заменяют полноценный контент, там висело два сообщения, призывающих население соблюдать спокойствие. Эпидемиологическая обстановка в Штатах признавалась серьезной, но не критичной. Источник опасности был локализован. Им оказался мутировавший вирус, воздействующий на нервную систему. Статистики по смертности пока нет. Сейчас правительство работает над вакцинами, которые рассчитывает получить в течение нескольких месяцев. Граждане, без паники! Соблюдайте дистанцию. Следуйте указаниям властей. Вспомните эпидемию ковида десятилетней давности. Сейчас будет что-то похожее.

Скептически хмыкнув, оперативник сделал глоток шампанского и переключился на новости из Китая. К его удивлению, там все было спокойно, и в Индии тоже, и по всей Юго-Восточной Азии. Даже из Африки не было новостей о новом заболевании. Это казалось очень странным, потому что как раз Азия и Африка были известными рассадниками природных и не очень вирусов.

Озадаченный Ригс бросил в рот пару орешков, нахмурился и открыл сайт здравоохранения Франции. В отличие от США, где власти старались держать ситуацию под контролем, там развернулась настоящая истерика. Возмущенные граждане требовали от правительства правды. Комментарии, пусть и изрядно почищенные, изобиловали нелицеприятными выражениями. В Англии и в Германии ситуация была чуть лучше, но развивалась во французском ключе. В Европе, как и в США, набирала обороты странная, неизвестная или тщательно скрываемая от общественности болезнь, стремительно выходящая на уровень широкой эпидемии.

То, что власти не давали о ней никакой информации, могло говорить о двух вещах. Либо они не знают, с чем имеют дело. Либо знают, но пришли в ужас от возможных последствий, масштаба проблемы и скрывают ее от населения.

В памяти всплыла куча дерьма с мухами, которая замыкала ряд грустных смайликов в чате Хофмана. Она вполне могла означать, что тот владел большей информацией, чем остальные.

Сделав жест стюардессе, чтобы принесла еще шампанского, Ригс открыл мессенджер бывшего куратора. Смайлики с кучей дерьма были удалены, но после его знака вопроса появился номер телефона. Если обычно осторожный куратор напрямую послал ему контактный номер, значит, он был безопасен. И все же опытный оперативник переслал его администратору Матрицы.

Ответ пришел почти сразу. Это был номер племянницы Хофмана.

Что за бред. Хофман, как и он, по роду своей деятельности давно порвал с женой. Возможно, с годами он стал сентиментален и вернулся в семью. А может, ему тоже позвонили родственники с просьбой о помощи? Похоже, вся ситуация становилась все более и более запутанной. Чем ближе Ригс был к дому, тем больше возникало вопросов.

Когда он набрал номер из сообщения Хофмана, то бросил взгляд на часы и тихо выругался. В Штатах было около часа ночи. Можно было нажать на отбой, но звонок уже прошел

через запутанную сеть маскирующей телефонии Матрицы. В трубке раздались гудки, затем недовольный скрипучий голос пробормотал:

– Какого черта?

– Это мистер Смит, – Ригс использовал свой позывной, известный только кураторам и заказчикам Матрицы.

– Твою мать, Ригс. Где ты пропал, сукин сын?

– Э... Сэр? – немного сбитый с толку таким началом разговора пробормотал оперативник.

– Сэр-шмэр, – недобро отозвался Хофман. – Ты мне нужен, сынок. Пришло время спасать Америку. Реально спасать. Тащи свой оперативный зад сюда. Мы собираем всех, кого можем, для самого крупного замеса. Такого крупного, что все, что ты делал раньше, похоже на кошмар чих.

– При всем уважении, сэр. Это нарушение оперативного протокола.

– Смит, твою мать! Ты охренел? Какой протокол! Америке приходит кабзда, а ты – протокол.

– Я не могу обсуждать такие вещи по телефону, но задам один вопрос. Это как-то связано с эпидемией неизвестного заболевания?

– Да, – откашлявшись, ответил Хофман. – И с нашей работой на Украине. Чтоб ее.

– Сэр, я с вами свяжусь позже.

Отключив телефон, Ригс большим глотком допил бокал. Твою мать. Старая добрая чуйка его не подвела. Украина, словно ржавый разваливающийся локомотив, несущийся под откос, вынырнула из тумана прошлого и стремительно нагоняла его, спокойно идущего по путям к обеспеченной пенсии. И Хофмана тоже.

Поразмыслив, оперативник решил вначале встретиться с сыном, оценить остановку, затем принять решение, связываться с бывшим куратором или нет. А пока он попросил дежурного администратора Матрицы отследить звонок Хофмана, установить за местом наружное наблюдение и по возможности хакнуть устройство, которым он пользуется.

Стюардесса, видя, что его бокал опустел, подошла с бутылкой дорогого шампанского. Оперативник отрицательно покачал головой.

– Хватит алкоголя. Мне нужно поспать.

– Конечно, сеньор. Ваша постель готова во втором салоне. Вы будете спать один? – она многозначительно приподняла бровь и расстегнула верхнюю пуговицу блузки.

– В другой раз, детка, – вежливо ответил Ригс, оценив ее аппетитные формы и гадая, гуманоид это или живой человек. В последнее время роботов стало все сложнее отличать от людей. Вторые все чаще вели себя, как роботы, а первые с невероятной скоростью приобретали человеческие черты.

Поспать удалось всего пару часов. Над мексиканским заливом его разбудила стюардесса.

– Сеньор, у нас плохие новости. Пилоты сообщают, что аэропорт Орlando закрыт на карантин. Он не принимает воздушные суда.

– Дерьмово, – оперативник спустил ноги с кровати и протер глаза. Как обычно в путешествиях он спал не раздеваясь, накрывшись тонким шерстяным пледом. – Дай мне пару минут и пригласи пилота в салон. Да, и сделай пару бутербродов.

– С чем сеньор желает бутерброды?

– С чем угодно, только не с травой, – буркнул он и направился в душевую. Быстро умылся холодной водой, прополоскал рот и, взглянув на себя в зеркало, подумал: «Что с тобой стало, мистер Смит. Еще пару лет назад ты бы послал надежных людей узнать, что с сыном, а сейчас сорвался сам. Вопреки элементарным правилам безопасности вызвонил старого куратора и летишь в Америку, где, похоже, творится черт знает что. Стареешь, дружище. Становишься сентиментальным».

В салоне уже был накрыт стол. Шампанское, фрукты, выпечка, клуб-сэндвич с индейкой и жареным беконом, полстакана бурбона, ассортимент соков в миниатюрных бутылочках и кофейник. Ригс благодарно кивнул, уселся в кресло, откусил бутерброд и показал глазами на кабину.

– Секунду, сеньор, – мило улыбнулась стюардесса и чуть пошевелила губами: – Командир сейчас к вам выйдет.

«Гуманоид, – подумал он. – Блин, я чуть не трахнул гуманоида. Вот чем хороша глубинка в Чили. Там пока все натуральное.»

Из кабины в салон вошел одетый в безупречный костюм первый пилот.

– Сэр, – он чуть наклонился к пассажиру, – диспетчеры из Орlando передают, что аэропорт временно закрыт на карантин. Они прекратили прием и отправление судов.

– Хреново, – Ригс сделал глоток бурбона. – Что там за карантин?

– Не знаю, сэр. Диспетчеры такой информации не дают. Мы сейчас вошли в пространство над Мексиканским заливом. Пока идем прежним курсом. Но через час нам нужно будет принимать решение по дальнейшему маршруту.

– Узнайте, какие аэропорты во Флориде не закрыты.

– Уже узнал, сэр. Все международные аэропорты закрыты. Как и все аэропорты на побережье залива.

– Твою мать, – выругался оперативник и потянулся за кофейником. – Спасибо за информацию, дружище. Можешь идти. Я постараюсь что-нибудь придумать.

Как только капитан ушел, Ригс снова связался с дежурным администратором Матрицы. Тому понадобилось минут десять, чтобы найти частный аэродром и согласовать маршрут. С условием, что на борту находится американский гражданин, самолет могли принять в частном аэропорту городка Спурс-Крик на восточном побережье Флориды.

Этот небольшой городок принадлежал округу Волуша, некогда бывшему резервацией индейцев и до сих пор сохранившему административную самостоятельность, которая давала ему право иметь своего шерифа, пограничную и таможенную службы. А еще он был известен как город авиаторов, потому что почти у каждой семьи там имелся легкомоторный самолет. Весь этот авиапарк располагался на бывшей базе ВВС США, инфраструктура которой поддерживалась горожанами в образцовом порядке.

Выслушав инструкции, капитан уважительно покивал головой и удалился в кабину. С этого момента стюардесса стала называть его «сэр».

Аэропорт Спурс-Крик располагался прямо посреди городка. Когда шасси Эмбрайера в предрассветных сумерках коснулись бетона, Ригс сумел хорошо разглядеть подсвеченные фонарями дома, стоящие почти вплотную к взлетной полосе.

Впрочем, его мало интересовали местные пейзажи. Нужно было еще пройти погранслужбу и таможню. Это оказалось совсем не сложно. Его встретил сонный помощник шерифа в защитной лицевой маске и проводил в административное помещение. Проверил паспорт, биометрию. Сверился с электронной базой. Поставил перед камерой для съемки приезжих и, козырнув двумя пальцами по широкополой шляпе, отпустил.

– Эй, приятель, – Ригс остановил направившегося было в комнату отдыха офицера. – Что тут у вас происходит? Орlando закрыт. Весь юг закрыт. Хорошо хоть вы приняли.

– А хрен его знает, что тут происходит. По стране гуляет какая-то зараза. Никто толком не может определить какая. Или могут, но не говорят.

– Эпидемия?

– Типа того. Косит народ не по-детски.

– Вроде ковида?

– Не знаю. Я не доктор. Это надо у шерифа спросить и начальника погранпункта. Их напрочь свалило. Я вот теперь один за всех отдуваюсь.

– Вот как, – нахмурился Ригс.

– Сэр, там на выходе стоит диспенсер с масками. Вы возьмите пару. А то полиция может задержать и отправить в карантин. Здесь с этим строго.

Прихватив пару масок на входе, оперативник вышел из административного здания аэропорта. Снаружи у черного полноразмерного бензинового внедорожника его ждала группа сопровождения из трех человек, нанятых Матрицей.

Серьезного вида дама с короткой стрижкой, армейской выправкой и плечами атлета представилась первой:

– Добро пожаловать во Флориду, сэр. Меня зовут Джейн, – ее рукопожатие было коротким и крепким. – Я буду ваши администратором, тем, кто решает для вас вопросы. Эти два здоровяка, Барт и Рон, ваша охрана. Ну и мои мальчики на побегушках.

– Смит, – коротко представился Ригс.

Понимаяще кивнув, Джейн сделала круговое движение ладонью с поднятым вверх пальцем, каким обычно дают команду пилоту вертолета запустить винты, и забралась на заднее сидение со стороны водителя.

Через минуту внедорожник уже катил по шоссе в сторону Орlando. Там, в богатом пригороде, располагалась вилла его сына.

– Можете мне рассказать, что тут у вас творится? – спросил оперативник.

– Творится полная хрень, сэр. Судя по всему, в Штатах распространяется неизвестная эпидемия, – ответила Джейн. – Власти говорят, что это вирус.

– Типа ковида?

– Нет. Симптомы другие. Ковид бил по всему, что связано с респираторной системой. Эта зараза, похоже, поражает нервную систему. Она постепенно отключает спинной мозг, а затем и головной. Люди теряют управление своим телом и способность воспринимать реальность. У них едет крыша.

– Вы неплохо осведомлены.

– Еще бы. На моих глазах несколько сотрудников фирмы понемногу превращаются в зомби.

– Эта хрень заразная?

– Не похоже, сэр. У нас из штатных заболели шестнадцать человек. Остальные были с ними в плотном контакте – и никакой реакции.

– Странно.

– Более чем. Вы как себя чувствуете?

– Нормально, – пожал плечами оперативник.

– Значит, вы здоровы, – сделала простой вывод Джейн.

– Вы не пытались обнаружить причину такого необычного проявления? Может, есть нечто, что разделило вас на две группы.

– Пытались. У нас босс – главный аналитик. Мозгов вагон. Так вот, он вычислил, что объединяло тех, кто не заболел. Мы все долгое время находились в командировках за пределами США.

– Армейцы?

– Да, сэр. Я штаб-сержант ВВС. Эти двое капралы морской пехоты. Мы все были в длительных командировках за пределами США.

– Может, просто совпадение? – Ригс отвернулся к окну.

– Может быть и так, сэр.

– Босс тоже из военных?

– Да. Крутой полкан из военной разведки.

– Вы работаете открыто, поэтому я спрошу его фамилию.

– Зачем вам? – повернула голову Джейн.

– Просто я знаю всех полковников в РУМО⁵ за последние пятнадцать лет.
– Хиггинс, – коротко ответила сержант.
– Роберт Джей Хиггинс, позывной «Брут».
– Респект, сэр, – она уважительно покивала головой. – Рада встретить человека из наших.
– Сэр, мэм, мы приближаемся к блокпосту на развязке, – крепко с переднего сидения обернулся назад. – Прошу вас надеть маски.

И действительно, на трассе стояла пара броневых автомобилей, около которых несколько военных в боевой экипировке и при оружии притормаживали проезжающие машины. Они быстро сверяли номера с базой и, посветив мощным фонарем в салон, без дальнейшей проверки пропускали их дальше.

От Спурс-Крик до Орlando километров двадцать по трассе. К городу подъехали с восточной стороны. Вилла сына располагалась в коттеджной застройке, примыкающей к небольшому озеру Монро. Место по навигатору нашли быстро. Когда подъехали, Джейн передала оперативнику планшет.

– Смотрите. Дом, у которого мы остановились, помечен на карте красным. Это значит, что там зараженные.

– Я знаю, – кивнул Ригс. – Там живет мой сын с семьей.

– Сожалею, сэр. По правилам штата, инфицированным запрещено выходить из дома. Также запрещено их посещение.

– К черту правила. Вы же сами сказали, что эта хрень не передается воздушно-капельным путем.

– Ваш выбор, – пожала плечами она.

На востоке небо уже окрасилось в трагичные багровые тона под стать настроению. В доме наверняка все еще спали, но оперативник решил не ждать. Входная дверь не была заперта. Он осторожно вошел внутрь. Через секунду раздался залихватский лай и со второго этажа скатился мелкий пушистый песик. Пару раз звонко тявкнув для солидности, он с интересом принялся обнюхивать ноги гостя.

– Кто там, – раздался приглушенный голос. Ригс увидел, что на диване в гостиной лежит человек, накрытый одеялом.

– Стив? – спросил он, не решаясь пройти внутрь.

– Вы кто? – фигура на диване с видимым усилием подняла голову.

– Я твой отец, – оперативник чуть было не сказал мистер Смит, но вовремя спохватился.

– А-а, – протянул сын и снова опустил голову на подушку. – Ты все-таки приехал.

– Приехал. Можно включить свет?

– Нет. Я не переносу свет. У меня от него адская головная боль. Нужно закрывать глаза, а я хочу тебя рассмотреть.

– Хорошо, – Ригс осмотрелся в полутьме, нашел стул и подтянул его к дивану. – Что случилось?

– Не знаю, – сын судорожно вдохнул, трясущейся рукой взял стоящую у дивана бутылку, обхватил ее двумя ладонями и сделал несколько глотков, разливая воду на рубашку. – Лиз. Моя жена Лиз. Она вчера умерла. Она сошла с ума и умерла. У нее отказали ноги и руки. Она не могла есть и пить. Не узнавала никого. Потом умерла. Ее забрали люди в желтых защитных костюмах и увезли. Я даже не знаю, где ее могила.

– Я соболезнаю.

– Правда? – сын повернул голову и облизнул пересохшие губы.

– Правда, – Ригс взял его за руку и почувствовал, как она непроизвольно дергается, словно кто-то бьет сына слабыми разрядами тока.

⁵ Разведуправление Минобороны США.

– Ты как?

– Плохо. У меня те же симптомы, что и у Лиз, только с запозданием. Мое тело меня почти не слушается. Я не могу стоять, не могу держать предметы. Не могу спать. Голова болит адски. Если бы не опиаты, снимающие боль, я бы сошел с ума. Мысли путаются. Я начинаю забывать, кто я. Видно, скоро и за мной придут люди в желтых защитных костюмах.

– А врачи? Почему тебя не забрали в клинику?

– Клиники все переполнены. Да и толку в них нет. Никто не знает, что это за зараза. Лекарства нет. Лечения нет. Все, кто заболел умирают. Кто через неделю, кто через месяц, – сын обреченно всхлипнул и снова приложился к бутылке. Ригс помог ему, чтобы не пролить воду. – Мне запрещено покидать дом. Раз в три дня привозят воду и еду. Оставляют упаковку фентанила⁶, чтобы снять боль, и уезжают.

– Дети. Дети где?

– Когда умерла Лиз и стало понятно, что я тоже болен, детей забрали в приют. Они не больны. Они здоровы. Им там хорошо. Их кормят, учат. Когда все это закончится, ты позаботься о них, – веки сына сомкнулись, и он затих.

– Ты можешь дать мне адрес приюта? – выдержав паузу, осторожно спросил Ригс.

Сын встрепенулся и посмотрел на него широко открытыми глазами.

– Ты кто?

– Я Норман. Твой отец.

– Ты давно здесь?

– Порядком, – оперативник понял, что сын ничего не помнит.

– Хорошо, что ты приехал. Лиз умерла... Боже, как болит голова.

Набрав полные легкие воздуха, Ригс медленно выдохнул. Обвел глазами гостиную. На стуле у дивана заметил упаковку со шприцами. Фентанил. Он снимет боль и погрузит Стива в спасительный сон. Достал шприц и сделал укол.

– Спасибо, – чуть слышно проговорил сын и снова закрыл глаза.

Тихо выругавшись, оперативник поднялся со стула, прошелся по гостиной и вернулся к сыну. На стуле у кровати рядом с упаковкой фентанила лежал его смарт. Он взял аппарат. Включил. Экран был не запаролен. Немного подумав, он достал свой телефон и набрал администратора Матрицы.

– Это Смит. Я сейчас сброшу номер телефона. Оправьте на него гиперссылку. Я ее активирую. Затем вы скачаете все данные с аппарата.

– Да, сэр, – прозвучал в трубке короткий ответ.

Через минуту Ригс снова открыл смарт сына и активировал гиперссылку. Теперь хакеры Матрицы получают доступ ко всей информации, содержащейся в аппарате, а также доступ к камере и микрофону, через который можно будет контролировать обстановку в доме.

Бросив последний взгляд на сына, оперативник направился к выходу.

– Ну как там? – спросила Джейн, ожидавшая его у машины.

– Хреново. Сын совсем плох. Его жена умерла. Детей забрали в приют.

– Соболезную. Куда дальше?

– Давай найдем мотель попроще. Нужно принять душ, перекусить и все обдумать.

– Да, сэр.

Внедорожник тронулся. Ригс бросил грустный взгляд на дом сына и надолго умолк.

На выезде из квартала фешенебельных вилл, расположенных у озера, водитель заметил молодую женщину, прислонившуюся к дереву у дороги. Когда машина приблизилась, она, ковыляя на подкашивающихся ногах и неестественно размахивая руками, рванулась вперед

⁶ Сильный наркотический опиоидный анальгетик.

под колеса. Водитель среагировал молниеносно. Внедорожник, скрипнув резиной, резко ушел влево, потом выровнялся и прибавил скорость.

Чудом удержавшийся, чтобы не удариться головой о стойку, оперативник оглянулся. Через заднее стекло было видно, что женщина упала на дорогу и, судорожно дергаясь, ползла за машиной.

– Блин. Их становится все больше, – Джейн достала смарт, открыла карту и поставила метку геолокации.

– Кого?

– Агрессивных больных. Местная полиция даже распространила среди силовиков специальное приложение, чтобы отмечать, где они находятся. Мы, типа, тоже силовики. Охранное агентство, как-никак.

– Зараженные становятся агрессивными?

– Вы же сами видели. Хотя это, наверно, не тот случай. Бедняга, скорее всего, бросилась под колеса, чтобы свести счеты с жизнью.

– Час от часу не легче, – качнул головой оперативник. – Где можно пройти тест на наличие вируса?

– Нигде. Власти говорят, что тест-системы пока нет, – она протянула Ригсу планшет. – Сэр. Тут на севере в десяти минутах езды есть неплохой мотель «Орландо Винтер Парк». Я могу забронировать места.

– Да, сержант, – кивнул Ригс и снова повернулся к окну.

Расположившийся в зеленом пригороде мотель оказался на вид вполне приличным. При нем даже был свой бассейн с баром, площадка для минигольфа и батутная зона. В общем, место явно было рассчитано на семьи с детьми, приехавшие из глубинки, чтобы провести выходные в городе. Правда, везде чувствовалась некоторая неухоженность. Лежаки около бассейна стояли вразнобой. Бар затянут пленкой. Двери в номера кое-где распахнуты настежь. У стен стояли баки, полные мусора, и корзины с использованным постельным бельем. На большой парковке – десяток машин. Причем большая часть из них покрыта толстым слоем пыли, потому что ими не пользовались уже давно.

– Похоже, это место тоже накрыло, – с видом знатока заявила Джейн.

– В смысле? – поднял брови Ригс.

– Большая часть персонала, скорее всего, больна. Поэтому тут такой бардак. Но в приложении он значится как рабочий. Мы пока постоим тут, а я отправлю бойца проверить обстановку.

Оказалось, сержант была права. Почти половина работников мотеля была больна. Поэтому работало только одно крыло.

– Слушай, – оперативник повернулся к Джейн, когда они шли в свои номера, – это не просто эпидемия. Это, блин, полный коллапс. Если так пойдет, если не найдут вакцину, скоро тут все полетит к чертям.

– Согласна, – кивнула сержант и остановилась у двери. – Это ваш номер. Мы будем в соседнем. Если понадобится, позвоните или просто стукните в стену.

– Принято. Я не думаю, что мы тут задержимся, – ответил Ригс.

Номер был достаточно просторный, отельного типа с большой двуспальной кроватью, журнальным столиком и рабочим столом у стены с настольной лампой в стиле ретро. Ригс быстро принял душ, сменил рубашку, достал планшет и завалился на кровать. То, что он видел до сих пор, если не пугало, то наводило на самые грустные мысли. Бояться в обычном человеческом смысле он перестал давно, смирившись с тем, что играет в смертельно опасные игры и в любой момент может быть сметен с доски противником или принесен в жертву своими. Но после того как он увидел, как молодая, прилично одетая женщина хотела броситься под

колеса их внедорожника, у него внутри возникло липкое и до жути неприятное чувство надвигающейся катастрофы. Причем, похоже, остановить ее не было никакой возможности.

Впервые за свою долгую и полную приключений жизнь Ригс не знал, что делать. Обычно решения подсказывал опыт. Когда опыт промахивался, всплывала врожденная интуиция хищника, основанная на выработанных годами рефлексах. Именно она часто выводила его и Матрицу из самых сложных ситуаций. На этот раз весь его оперативный багаж был бесполезен. А чуйка, сложив крылья, уселась на ветку где-то в глубине сознания и с интересом наблюдала, что же он будет делать.

Зло сплюнув на пол, оперативник подошел к минибару, открыл и тихо выругался. Небольшой холодильник был пуст. Полез в сумку, достал бутылку воды, сел на кровать и задумчиво сделал несколько глотков. В памяти всплыл беспомощный сын, лежащий на диване под тонким одеялом. Почти потерявший способность двигаться, с дрожащими руками. Вспомнился рыжий мохнатый веселый, жизнерадостный песик, с любопытством обнюхивавший его ботинки.

Память отбросила его на десятилетия назад, когда Стив только появился на свет. Как они были счастливы с женой. Он тогда находился в Ираке в командировке. Выпросил отпуск, приехал на неделю домой. Все семь дней они провели втроем, наслаждаясь друг другом. А теперь тот когда-то розовощекий карапуз лежит беспомощный на диване и скоро не сможет даже протянуть руку, чтобы взять бутылку с водой. А внуки, его внуки, которых он ни разу не видел вживую, находятся где-то в приюте.

Какой черт его дернул оставить армию и согласиться на контракт с ЦРУ. Безжалостная, холодная, как прикосновение самой смерти, Контора разрушила семью и превратила его в бездушного робота с единственной целью – выполнить миссию. Ригс оставил ЦРУ, потому что даже там были рамки. Чтобы избавиться от них, он согласовал с начальством свой уход и создал одну из первых в США частных разведывательных компаний, заточенных на особо сложные операции, от которых государство предпочитало держаться подальше. Через несколько лет эта ЧРК стала известна как Матрица, а он, ее бессменный босс и лидер, стал могучим и всесильным мистером Смитом, которого уважали и даже немного побаивались даже на самом верху американской силовой пирамиды.

И вот теперь всесильный мистер Смит сидит в мотеле и не знает, что делать. Ригс вдруг почувствовал невероятную тоску. Он резко встал и зашагал по номеру, стараясь унять это неприятное ощущение. В этот момент в стену несколько раз громко стукнули, затем завибрировал смарт.

– Мистер Смит, это Джейн. Телевизор. Быстрее включите телевизор.

Почувствовав неприятный холодок внутри, оперативник потянулся к пульту.

– ...столкнулись с невероятной трагедией, – с экрана на фоне двух флагов – национального звездно-полосатого и президентского синего с орлом – к нации обращался президент США. Вид у него был осунувшийся, глаза неестественно широко открыты, взгляд немного дикий, как после наркотиков, голова иногда непроизвольно подергивалась. – Господь послал нам это жестокое испытание, ибо мы забыли его и отдали душу дьяволу. За это он наслал на людей библейское проклятие. Антихрист спустился на нашу землю. Теперь, – президент дернул головой и сверкнул глазами. – Теперь настало время последней битвы добра и зла. Время Армагеддона, который явит миру Мессию, спасителя человечества. И тогда праведники вознесутся в рай, а грешники будут низвергнуты в ад.

– Боже, что он несет, – проговорил Ригс и чуть убавил звук.

– Я, президент Соединенных Штатов, обращаюсь к вам. Примите свою судьбу! Смиритесь! Молитесь! Кайтесь в своих грехах. Только так вы спасете свои заблудшие души, – президент испуганно повернул голову в сторону, словно действительно увидел антихриста. Он уже открыл рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент трансляция неожиданно прервалась.

На экране появился озадаченный ведущий новостного канала.

– Э... К сожалению, эта неожиданная прямая трансляция из овального кабинета прервалась. Мы пытаемся разобраться, что она могла означать. Это явно не фейк, сгенерированный нейросетью. Потому что трансляция шла через защищенный правительственный спутник напрямую на редакционные серверы ведущих телекомпаний, – ведущий с озабоченным видом перебрал несколько листов, лежащих перед ним, и снова взглянул в камеру. – Редакторы мне сообщают, что с минуты на минуту мы ожидаем комментарии пресс-секретаря президента. Хочется надеяться, что он прояснит ситуацию с этим странным сообщением.

Картинка на экране сменилась на необычно пустой зал для пресс-конференций Белого дома. Трибуна с гербом. Задник с эмблемой Белого дома, десяток журналистов в креслах и необычно много агентов Секретной службы у стен.

– Что это было? – спросил Ригс в телефон.

– Похоже, президент съехал с катушек. Он и раньше был повернут на религии. Считал себя проводником воли божьей на земле. На этом фоне и свихнулся, – осветила Джейн. Потом, помолчав, добавила: – Или реально грядет полный звиздец.

Картинка на экране ожила. Вместо пресс-секретаря к трибуне вышел хмурый и сосредоточенный вице-президент. Положил перед собой листок бумаги и двумя руками крепко сжал края трибуны. Прежде чем его ладони сомкнулись на полированном дереве, оперативник заметил, что руки второго лица государства непроизвольно трясутся.

«Нервы? Волнение?», – подумал он и вспомнил трясущиеся руки сына.

– Граждане Америки, – уткнувшись в листок, начал зачитывать текст вице-президент, – в сложившейся чрезвычайной ситуации я взял на себя смелость обратиться к вам с посланием и призывом соблюдать спокойствие. В нашей стране началась эпидемия неизвестного науке заболевания. Это очень страшная болезнь. Она поражает нервную систему. Заболевшие теряют над собой контроль. На поздних стадиях у них отказывают жизненно важные органы, что приводит к неминуемой гибели. Это смертельное заболевание не заразно, оно передается через кровь. О его симптомах и фазах подробно расскажет министр здравоохранения, который выступит позднее. На фоне захлестнувшей Америку эпидемии я призываю граждан соблюдать спокойствие и следовать рекомендациям властей. К сожалению, ввиду широкого распространения заболевания некоторые функции государственных органов могут выполняться не в полном объеме. Прошу отнестись к этому с пониманием и по возможности рассчитывать на свои силы. Я верю, что наши ученые вскоре найдут лекарство от этой страшной болезни. А пока запаситесь едой и водой. Старайтесь меньше выходить на улицу и находиться дома, в кругу своих близких. С сожалением должен сообщить, что болезнь поразила и нашего президента. Он больше не в состоянии выполнять свои функции. Поэтому в ближайшее время будет задействована статья конституции по преемственности власти. Еще раз призываю всех сохранять спокойствие и выполнять указания местных администраций. Данной мне властью я объявляю в стране чрезвычайное положение и наделяю правительства штатов экстраординарными полномочиями в борьбе с эпидемией и поддержании порядка. Да поможет нам бог.

Оторвав трясущиеся руки от трибуны, вице-президент нервно дернул головой, с видимым усилием свернул листок с посланием к нации, попытался засунуть его во внутренний карман пиджака, но не смог попасть под лацкан из-за сильного тремора. Резко развернувшись, он вышел из зала под крики журналистов, пытавшихся получить объяснения.

– Он тоже болен, – сказал Ригс в трубку.

– Похоже на то, – ответила Джейн.

– Давай всех к машине. Мы выдвигаемся.

– Куда?

– Найди на карте ближайшую больницу. Мне нужно поговорить с кем-нибудь из докторов.

Посмотрев еще с минуту на экран телевизора, он понял, что новой информации не будет, собрал сумку и вышел к парковке. Его сопровождающие уже собрались у внедорожника. Перед ними на коленях стоял бомжеватого вида мужик с руками, заведенными за голову. Один из ребят Джейн держал его под прицелом пистолета.

– Что происходит? – спросил Ригс.

– Этот мудака хотел взломать багажник. Поцарапал замок, сука, – Джейн несильно пнула его ногой. Бомж упал и, скуля, пополз под машину. – Блин, вытяни его оттуда, – приказала она одному из бойцов.

Охранник схватил бездомного за ногу и оттащил от внедорожника.

– Все равно нам всем конец, – огрызнулся тот. – Слышали, что сказал президент? Анти-христ явился из преисподней.

– Его бы сдать в полицию, но там остался один дежурный, – сказала Джейн, забираясь на заднее сидение. – Офис шерифа тоже весь на выезде. Да и правонарушение мелкое. Пусть живет пока.

– Зря он это, – недовольно покачал головой Ригс, забравшись на заднее сидение.

– Конечно, зря. Мы ведь и тайзером⁷ могли его пощекотать.

– Я не про бомжа, я про президента.

– А... это. Вы заметили. Похоже, он был не в себе. Показывали крупным планом без рук. Голова дергается, глаза бешеные. Несет всякую чушь.

– Вице выглядел получше, но руки тоже тряслись, – Ригс посмотрел в окно и попросил водителя. – Ну-ка притормози. Что там происходит?

– Там крупный торговый центр. Похоже, народ ломанулся запастись продуктами.

С трассы было заметно, что вся парковка перед моллом⁸ была забита автомобилями и людьми. У дверей образовалась толпа. Те, кто хотел попасть внутрь, не давали выйти тем, кто уже набил свои тележки. Это и создало столпотворение. Сбоку от этой колышущейся орущей массы беспомощно сверкала мигалка полицейской машины. Самих полицейских нигде не было видно. Судя по тому, что машины все прибывали, ситуация вскоре могла выйти из-под контроля, тогда толпа просто разнесет торговый центр.

Внедорожник продолжил движение по трассе дальше в сторону города и вскоре свернул на съезд под знак, указывающий направление к Реабилитационному центру Орlando. На подъезде к больнице уткнулись в глухую пробку. До нее оставался еще километр, но проехать было невозможно. Дорога была плотно забита автомобилями с больными или зараженными.

– Мертво, – прокомментировала Джейн. – Мы туда хрен доберемся. Нужно разворачиваться, пока нас не заблокировали сзади.

– Возвращаемся на трассу, – согласился Ригс.

– Зачем вам была больница? Ведь ясно, что там не будет мест.

– Думал поговорить с врачами. У меня сын не может двигаться самостоятельно. Хотел спросить, что можно сделать, чтобы облегчить симптомы.

– Спросили бы меня. Я бы рассказала.

– Ты еще и медик?

– Не медик. Но знаю, что ваш сын обречен. Судя по вашему описанию, ему остался месяц, если повезет, два. Единственный способ облегчить мучения – это наркота, инвалидное кресло и постоянная сиделка, чтобы кормила и убирала за ним. Так было с нашим финансистом. Хороший дядька был. Он один из первых схватил заразу месяца два назад. Тогда еще и врачей, и мест в поликлиниках было достаточно. Так вот, доктора неделю продержали его в больнице,

⁷ Тайзер – электрошоковое оружие нелетального действия.

⁸ Молл – крупный торговый центр.

потом выпустили. Сказали, шансов нет, но страдания облегчить можно. Нужны инвалидное кресло, сиделка и постоянные инъекции опиатов.

– Какой ему поставили диагноз?

– Вирусное поражение нервной системы или что-то похожее. Но было ощущение, что врачи знали, что это. Им настрого запретили ставить реальные диагнозы. Через два месяца, когда бедняга стал превращаться в овощ, он в один из моментов просветления пустил себе пулю в рот. Руки тряслись, он не попал в мозг. Пуля прошла через лицевую кость и вышла около уха. Он еще мучился пару часов, пока не истек кровью.

– Страшная смерть, – качнул головой Ригс.

– Не дай бог, – отозвалась Джейн.

– Едем к сыну.

– Да, сэр. Но должна вам доложить: я получила сообщение от босса. Он отзывает все боеспособные команды с миссией в офис. Мы работаем под крышей шерифа Орландо. В городе чрезвычайная ситуация. Нас, скорее всего, привлекут для охраны порядка. Мы доведем вас до виллы вашего сына и будем вынуждены оставить.

– Понятно, сержант. Жаль с вами расставаться. Вы классный спец.

– Спасибо, сэр.

Внедорожник аккуратно притормозил на съезде с трассы в район, где располагалась вилла сына. В этот момент машина получила сильный удар сзади. Послышался хруст трескающегося пластика бампера. Всех в салоне вдавило в сидения.

– Мы в машине. Вы двое – контроль, – деловито скомандовала Джейн.

Охранники почти синхронно вывалились со своих сидений наружу и припали на колено с пистолетами, готовыми к стрельбе. Через секунду они двинулись к врезавшейся в них сзади машине. Еще через секунду на гарнитуру Джейн пришло сообщение: «Чисто».

Ригс и сержант вышли из внедорожника. Оказалось, в их массивный автомобиль врезался дорогой спортивный электрокар. Охранники уже помогли выбраться из объятий подушек безопасности ухоженной, прилично одетой бабушке. Та стояла, прислонившись к смятому крылу, обводя всех непонимающим взглядом.

– С вами все нормально, мэм? – спросила сержант.

– Нормально. Воды. Дайте мне воды, – нечленораздельно промычала старушка, отошла от машины и, трясясь и шатаясь на подкашивающихся ногах, поковыляла к одному из охранников.

– Эй-эй! Ну-ка назад, – прокричал тот, отступая к внедорожнику.

– Блин. Она больна. Все в машину. Убираемся отсюда, – скомандовала Джейн.

– В-о-ды, – старушка развернулась на голос сержанта и, едва переставляя неслушающиеся ноги, пошла к ней.

– Извините, мэм, – Джейн развернулась, забралась в машину, закрыла перед ее носом дверь и хлопнула водителя по плечу. – Погнали! Что стоишь.

Старушка, божий одуванчик, прижалась к стеклу лицом, не раз познавшим руку дорогого пластического хирурга. По движениям ее губ можно было понять, что она повторяет одно слово: «Воды».

Внедорожник тронулся. Старушка, потеряв опору, упала на бетон трассы и забилась в конвульсиях.

– Твою ж мать, – выругалась сержант.

– Послушай. Твой босс, полковник Хиггинс, в каком он состоянии? – спросил оперативник.

– В смысле? – взглянула на него Джейн.

– В смысле здоровья. Есть ли у него признаки болезни?

– Нет, сэр. Он, как и мы, вернулся в Штаты только в 27-м. Он здоров, сэр.

– Вот что я вам скажу. Я не знаю, что творится на остальной территории Штатов, но ситуация в Орландо выходит из-под контроля. И это только начало болезни. Дальше будет хуже. Ты видела эту бабулю? Скоро таких будут сотни тысяч. Вам не удастся восстановить порядок в городе, потому что большая часть полиции наверняка тоже больна. И офис шерифа. И офис мэра. И армия. И городские службы. Через пару недель они все потеряют способность выполнять свою работу и будут, как эта старушка. Передай полковнику мой совет. Пусть собирает всех своих здоровых ребят, вывозит из города и оборудует укрепрайон с блокпостами и прочей фигней. Только так вы сможете пережить надвигающийся хаос.

– Вы думаете, все так плохо?

– Хотелось бы верить, что все рассосется. Но вы сами видели президента и вице. Они заражены. Если эта странная болезнь накрыла большую часть Америки, через пару недель, а то и раньше, здесь начнется ад. Так и передайте боссу.

– Я передам, – кивнула Джейн. – Но я знаю ответ. Мы будем помогать офису шерифа столько, сколько сможем. Если все окончательно полетит к чертям, может быть тогда.

– Если этот момент наступит, когда еще будет связь, сбросьте мне свои координаты. Я постараюсь до вас добраться.

Внедорожник остановился у виллы сына. Еще из машины Ригс заметил, что что-то не так. Двери в дом оказались распахнуты. На дорожке были разбросаны какие-то шмотки.

– Сэр, смотрите. Похоже, мародеры, – Джейн показала на соседнюю виллу.

Через невысокое ограждение из цветущего кустарника было видно, как четверо мужчин вытаскивают из соседнего дома и грузят в обшарпанный минивэн коробки, какую-то бытовую технику и тюки со шмотками. Ребята двигались резво, без всяких дерганий и прочих симптомов болезни.

– Вот дерьмо, – выругался Ригс. – Они, наверно, обчистили и дом моего сына. Я загляну внутрь. Вы постарайтесь взять одного из них. Я хочу его допросить.

– Да, сэр, – ответила сержант, вылезая из машины. – Парни, за мной. Нужно размяться.

Проводив ее взглядом, оперативник направился к дому сына. Увидев его, мохнатый песик испуганно забился под стол и недовольно зарычал. Видимо, незваные гости с ним не очень церемонились. По гостиной были разбросаны вещи. На стене одиноко торчало крепление от телевизора. Дорогая аудиоаппаратура, стоявшая рядом, исчезла. Сын лежал на диване без движения. Ригс подошел к нему и пощупал пульс на шее. Пульс был слабый, но ровный. Спит. Наверно, действие укола фентанила еще не прошло. Он посмотрел на стоящий рядом стул, на котором лежала упаковка с лекарствами и смартфон сына. И то и другое исчезло.

Снаружи раздался хлопок выстрела и чьи-то истошные вопли. Оперативник накрыл сына одеялом, вышел из дома и через газон направился к соседней вилле. Там Джейн и двое ее парней на дорожке перед въездом на участок положили лицом вниз четверых мародеров. У всех руки за спиной были стянуты пластиковыми стяжками. Один, бородач, по возрасту самый старший, лежал на боку. У его ноги гравий медленно пропитывался кровью. Рядом валялось помповое ружье.

– Тот, со стволом, похоже, их главный, – Джейн несильно пнула лежащего бородача. – Чуть Барта не продырявил, сука.

Ригс присел на корточки рядом с бородачом, подобрал помповик и не церемонясь ткнул стволом в рану на ноге. Мародер истошно заорал. Оперативник подождал, пока тот успокоится, и снова ткнул стволом в рану. Бородач забился в конвульсиях и, вытаращив бешеные глаза, попытался отползти.

– Куда, – Ригс подтянул его к себе и снова приложил ствол к бедру чуть выше раны. – Я тебе задам пару вопросов. Если ответы мне понравятся, я больше не буду тебе делать больно. Если нет, – оперативник снова ткнул стволом в рану. Мародер заскулил и активно закивал головой. – Вот и хорошо. Где фентанил, который вы взяли вон в той вилле?

– В машине в сумке, – прохрипел бородач.
– Второй вопрос: почему вы не больны?
– Не знаю, – мародер снова попытался отползти. – Мы из южного гетто. Я никогда не был у врача.

– Почему не был?
– Потому что нет медицинской страховки. Потому что такие, как вы, жирные богатые твари, все подмяли под себя. За это господь вас и наказал.
– Понятно. Вы, ребята из гетто, приехали в богатый район навести здесь справедливость, – вздохнул Ригс.

Подошла Джейн и бросила перед ним раскрытую сумку. Внутри лежали пара коробок с патронами для дробовика, пластиковый пакет с лекарствами, два смартфона, пакет с драгоценностями и часами и несколько пачек наличности, перетянутых резинкой.

Подумав секунду, Ригс взял патроны, смарт сына и пакет с фентанилом.

– Что будем с ними делать? – спросила сержант.

– По мне, так их нужно кончить прямо здесь, – пожав плечами, ответил оперативник. – Они ведь чуть не пристрелили твоего парня.

– Внесудебная казнь. Мы так не можем.

– И зря. Если вы их отпустите, завтра они снова пойдут грабить. Дом хоть проверили?

– Нет там никого, – Джейн в задумчивости помяла подбородок. – Мы их сдадим шерифу. Барт, наложи этому жгут. Потом грузите всех их минивэн. Едем к офису шерифа.

– Это я оставлю себе, – Ригс положил помповик на локоть. – Мой сын был конченным ботаном. Я не знаю, есть ли у него дома оружие. А это сейчас вещь нужная.

– Оставляйте. Только я отмечу это в докладе об инциденте.

– Сержант, – Ригс встал и посмотрел ей в глаза. – Ты думаешь, дело дойдет до доклада? Просто прислушайся.

Чуть склонив голову, оперативник поднял указательный палец. С нескольких направлений доносилось нервное завывание полицейских сирен. Если приложить немного воображения, эти тревожные звуки сливались в подобие пронзительной мелодии, возвещающей о конце привычного всем комфортного мира.

– Разберемся на месте. Удачи вам, сэр, – Джейн коротко кивнула и направилась к машине.

Проверив патронник помповика, оперативник зашагал к вилле сына. Обошел дом. Вышел на задний двор. С обратной от дороги стороны к вилле примыкал выходящий на озеро участок земли в полгектара. За домом располагался приличного размера бассейн и зона для барбекю. К воде спускался ухоженный газон, на котором разместились десяток декоративных пальм и несколько островков цветущих кустарников. Все аккуратно, декоративно, со вкусом. Сын был топом в крупной финтех компании, которая, судя по зарплате, его очень ценила.

В расположенном рядом с домом гараже оказалось два модных электромобиля и электромотоцикл. Ригс попытался проверить уровень заряда одной из машин, но управление осуществлялось со смарта, электромобиль никак не реагировал. Достал телефон сына. Нашел приложение, управляющее автомобилем, потыкал в иконки. Минут через десять разобрался что к чему. Поставил машину на зарядку и пошел в дом.

На первом этаже располагались огромная гостиная, кухня-столовая, игровая комната для детей и несколько хозяйственных помещений. В одном из них он нашел пару упаковок воды, мешок собачьего корма и полку с консервами, в основном макаронами, соусами и сладкими фруктами. Оперативник покормил песика и налил ему в миску воды. Тот сразу же проникся к нему уважением и с этого момента не отставал, куда бы тот ни шел. На кухне в шкафчиках оказались несколько стеклянных банок с пастой, хлопьями, рисом и чечевицей. Еще сахар, соль, специи, кофе, чай и несколько пакетов с соками. Небогато, но пару дней продержаться можно. В холодильнике было пусто, если не считать остатков засохшей пиццы и бутылки прокисшего молока.

Довольный, что в доме есть хоть какая-то еда, Ригс поставил на плиту воду и перешел в гостиную. Диван, на котором спал сын, стоял почти посередине комнаты. Рядом – журнальный столик и пара кресел. Напротив дивана у стены находилась стойка, с которой мародеры свинтили телевизор и вынесли аудиосистему. Сзади дивана у стены – электрокамин. Перед ним еще пара кресел. По сторонам высокие открытые полки с книгами, фигурками и всякой прочей декорацией. Обведя все это недовольным взглядом, оперативник вернулся на кухню, забросил в закипевшую воду макароны и перешел в столовую. Там шкафчике он нашел, что искал. Бар. Хороший выбор дорогого бренди, ликеры, вино и пару бутылок игристого стояли в обитой бархатом нише, закрывавшейся зеркальной дверцей.

Плеснув себе полстакана бурбона, оперативник перешел в зал, уселся в кресло и достал смартфон. Он вспомнил недавний разговор с Хофманом. «Ты мне нужен, сынок. Пришло время спасать Америку.» Старик и те, кто за ним стоят, явно что-то знали и даже, возможно, разработали некий план действий. А раз так, то нужно с ним все обсудить. Оставлять сына здесь было нельзя. Внуков тоже. Он возьмет их с собой, а потом переправит в безопасное место. Хотя бы в то же Чили.

Приняв решение, Ригс набрал номер Хофмана.

– Долго же ты раздумывал. Ну что, убедился. Видел, что случилось с твоим сыном?

– Видел. Мне нужны ответы, – оперативник ничуть не удивился, что бывший куратор мог отследить его передвижения. Если у него осталась даже малая доля возможностей, которыми обладал восемь лет назад, то сделать это он мог без труда.

– Нужны ответы? Приезжай. Я на другом конце континента. В Орегоне. Если скажешь да, я сброшу тебе координаты.

– Где точка невозврата?

– Вот ты въедливый, Смит. Я предупрежу где. Ты вначале получишь полную инфу о том, что здесь происходит. Потом я обрисую тебе весьма грустную перспективу будущего. На этом моменте ты сможешь свободно соскочить. Если решишь остаться, то обратной дороги не будет. Мне нужен ты и твоя Матрица. Вернее, не мне, а Америке. И даже не Америке, а американцам. Той сотне миллионов здоровых, кого еще можно спасти.

– Все так хреново?

– Максимально хреново, мистер Смит. Хреновей еще не было.

– Сбрасывайте коры⁹. Я постараюсь до вас добраться. Со мной будет сын и двое внуков.

– Давай, тащи сюда свою задницу, а то пропустишь все веселье. Твоих пристроим, подлечим, не волнуйся, – проворчал Хофман и отключился.

Почти тут же пришли координаты его места. Старик зашился в самую глушь национального парка Ококо в Орегоне, на западном побережье США. Что ж, придется лететь туда. Главное – найти самолет. Хотелось верить, что в городе авиаторов это сделать будет несложно. Но прежде нужно забрать внуков из приюта.

Это все завтра. Ригс посмотрел в окно. На Орландо опускались сумерки. Со стороны центра ночное небо подсвечивалось несколькими заревами от пожаров. Этот город по праву считался не самым благополучным во Флориде. За пределами центра и окружающей его зоны дорогой коттеджной застройки располагались бедные гетто, где хозяйничали этнические банды. Теперь, когда власть пошатнулась, они наверняка решат воспользоваться ситуацией и пограбить богатые районы. Ночь обещала быть беспокойной.

Сын очнулся ближе к полуночи, выпил почти полбутылки воды, съел пару ложек макарон с соусом. Наверно, сон немного привел его в чувство. Они долго беседовали о том, что произошло. О том, что будет с Америкой. Ригс заметил, что после сна сын сохранял способность

⁹ Координаты.

мыслить часа полтора. При этом тремор и конвульсивные подергивания стали менее выраженными. Когда состояние сына начало ухудшаться, он протянул ему руку:

– Ну-ка, давай попробуем встать.

– Зачем, – Стив взглянул на него безразличным взглядом.

– Завтра рано утром мы едем забирать твоих детей. К тому моменту я постараюсь организовать самолет. Мы должны перебраться в безопасное место.

– И бросить дом?

– Другого выхода нет. Сегодня днем я отъехал всего на пару часов, а сюда уже наведались мародеры. Посмотри, – Ригс кивнул на торчащий из стены кронштейн для телевизора.

– Херасе, – сын нервно дернул головой и облизал пересохшие губы. – И аудиосистема пропала.

– Это были бандиты из южного гетто. Они забрали твой смарт и лекарства. Еще, наверно, прошлись по верхним этажам и вынули все побрякушки и наличность. Хорошо хоть тебя оставили в живых. Могли и грохнуть ради прикола. Когда я вернулся, мародеры уже чистили соседнюю виллу. Их пришлось скрутить и отправить в офис шерифа. Так что давай, поднимай свою хилую задницу с дивана. Я хочу посмотреть, можешь ли ты стоять на ногах без посторонней помощи.

– Ладно, – он с видимым усилием сел, потом принял руку отца и, пошатываясь, поднялся на ноги.

– А ты не так плох. Ноги держат. Давай-ка сделаем пару шагов до туалета.

Морщась от боли в мышцах, Стив оперся на плечо отца и на подгибающихся ногах сделал несколько шагов.

– Вполне сносно, – покивал оперативник. – После сна и фентанила ты вполне сможешь передвигаться. Меня после литра бурбона и не так шатает.

– Почему ты это делаешь? – взглянул на него сын.

– В стране объявлено чрезвычайное положение. Правительство явно не справляется с ситуацией. Президент болен. Скорее всего, болезнь поразила большую часть населения страны, в том числе армию, полицию и коммунальные службы. Через пару недель здесь будет ад. Ты – мой сын. Я хочу отвезти тебя и детей в Орегон к своим хорошим знакомым. Там вы будете в безопасности.

– Почему ты не болен, как все?

– Я пока не знаю. Хватит вопросов. Пошли в ванную, а то от тебя воняет, как от пса после ливня.

Сам себе удивляясь, Ригс помог сыну принять душ, сменить одежду. Потом вернул на диван и вколол полдозы фентанила. Вскоре Стив погрузился в сон.

Убедившись, что все двери внизу закрыты, Ригс поднялся на второй этаж. Там находились три спальни и рабочий кабинет, который выходил на террасу, расположенную со стороны озера. Он внимательно осмотрелся, закрыл все окна и двери и вернулся на первый этаж. Налил себе стакан бурбона и набрал дежурного администратора Матрицы.

«Завтра мне нужен самолет до Орегона. Четыре пассажира.»

«Принял», – пришел ответ.

Администратор отозвался через час.

«Большой борт организовать нереально. Есть возможность купить легкомотор¹⁰. «Цессна 172». Дальность 1200 км. Вместимость четыре человека, включая пилота. Пилота не будет. Вам придется пилотировать самому. Это единственный и, скорее всего, последний вариант выбраться по воздуху из Флориды.»

«До Орегона почти четыре тысячи километров.»

¹⁰ Легкомоторный самолет.

«По пути я организую четыре дозаправки.»

«Самолет должен быть готов к полудню», – написал Ригс и отключился.

«Цессна» был надежным и хорошо зарекомендовавшим себя аппаратом. Он даже летал на ней лет двадцать назад. И все же нужно было освежить в памяти расположение приборов и основные элементы управления. Оперативник допил бурбон, открыл на смартф страничку производителя и принялся ее внимательно изучать.

Минут через десять оперативник закрыл глаза и представил себе кабину. Спереди слева кресло первого пилота. Рядом с ним справа место второго пилота. И там, и там штурвал. Но приборная панель и блок контроллеров только слева. Сзади два пассажирских сидения. Если ему удастся добраться до самолета, он посадит сына справа спереди в кресло второго пилота, пристегнет и даст ему снотворное. Внуков он расположит сзади.

Приборная панель – проще некуда. Прямо перед пилотом шесть основных датчиков: скорости, высоты, оборотов двигателя, угла крена при поворотах, компас и индикатор вертикальной скорости. Справа тумблеры пуска, активации топливного насоса и прерыватель электроцепи для остановки двигателя. Под ним рычажки управления дроссельной заслонкой и регулировки уровня подачи топлива в карбюратор. Все.

Включаем топливный насос, открываем дроссель, заводим двигатель, даем погреться пару минут. Проверяем тормоза и работу закрылков. Потом плавно дросселем увеличиваем тягу, снимаем тормоз и выруливаем на полосу. Добавляем обороты. Самолет начинает разгон. Когда загорится сигнал индикатора скорости взлета, плавно берем штурвал на себя – и мы в воздухе.

Довольный тем, что в памяти остались навыки пилотирования, Ригс выдохнул и упаковал смартфон в нагрудный карман куртки. Встал. Прошелся по гостиной. Вышел на улицу. Зарева со стороны города поутихла, но отовсюду слышалось повизгивание полицейских сирен. Иногда с разных направлений доносилась стрельба.

Вернулся внутрь. Перетащил кресло из центра зала в сторону к боковой стене так, чтобы через панорамные окна видеть дорогу перед домом и контролировать входную дверь. Зарядил помповик. Несколько раз передернул затвор, проверяя, не клинит ли патрон на выбросе. Ствол хоть и был дешевый и изрядно поношенный, но работал исправно. Взял бутылку воды, уселся в кресло и закрыл глаза, чтобы слух освоился с фоновыми звуками ночи.

Нужно было поспать хотя бы пару часов. Завтра с рассветом выезжать в приют. Пока все спят, надо забрать детей и мигом в аэропорт Спурс-Крик. Там нужно найти «Цессну», забраться на борт, что с нетранспортабельным сыном еще та проблема, и на взлет.

Мысленно прокручивая в голове план следующего дня, Ригс погрузился в полудрему. Тело и большая часть мозга отдыхало, только слух продолжал принимать шумы беспокойной ночи, фильтровать их и сортировать по уровню опасности.

Несколько раз он открывал глаза, прислушивался, затем, сделав глоток воды, снова погружался в полудрему. Часа в три ночи на дороге напротив дома под фонарем остановилась машина. Если бы это был электромобиль, он бы не услышал. Но незваные гости приехали на старом бензиновом шевроле, да еще с пробитым глушителем.

Тряхнув головой, чтобы прогнать остатки сна, Ригс попытался через панорамные окна рассмотреть, что происходит снаружи. Трое. Из машины вышли тихо. Двери не закрывали. Двигатель не глушили. Собрались у капота голова к голове. Один достал смартфон и, потыкав пальцем в экран, показал на дом сына. Скорее всего, в поисках легкой добычи они объезжали богатые дома, которые были отмечены на карте как инфицированные. Намерения у них явно были не добрые.

Вздыхнув, оперативник поднялся с кресла и вдоль стены подошел к входной двери. Когда трое двинулись по дорожке ко входу в дом, он распахнул дверь и, оставаясь за косяком, выглянул наружу.

– Эй, ребята. Это частное владение. Я из полиции. В городе чрезвычайная ситуация. Еще шаг, и я напигую ваши животы картечью.

Трое в нерешительности остановились, переглянулись и тихо перебросились парой фраз. Крайний слева сместился назад так, что его правая рука пропала из виду.

– Извините, сэр, у нас в мыслях нет ничего плохого. Мы, наверно, ошиблись адресом, – сказал один из непрошенных гостей.

– Конечно, ошиблись. Проваливайте, пока я не потерял терпение, – рявкнул Ригс. В этот момент тихо дремавший мохнатый песик выкатился в дверной проем и залился звонким лаем. – Проваливайте, или я буду стрелять.

– Не нужно стрелять, сэр, мы уходим, – непрошенные гости попятились к машине.

Видя, что мародеры уходят, Ригс вышел в дверной проем. В этот момент тот, что находился сзади, шагнул в сторону, поднял руку с пистолетом и несколько раз выстрелил. Уловив движение, оперативник успел укрыться за косяком и, направив ружье в сторону бандитов, выстрелил наугад. Судя по тому, как охнул один из нападавших, попал. В ответ в дверной проем влетело еще несколько пуль. Ригс присел, потом повалился в дверной проход на спину и из этого положения сделал три выстрела по двум мародерам, которые быстро волокли раненого третьего к машине. С тридцати шагов по такой цели картечью промахнуться было сложно. Оба повалились на гравий прямо у выхода на дорогу.

Выдохнув, Ригс сел, достал из кармана патроны, дозарядил помповик и, быстро проскочив дверь, перебежал на кухню. Там из столовой был выход на лужайку перед домом со стороны дороги. Аккуратно открыл дверь. Осмотрелся. Прислушался. У машины слышались стоны и неясное копошение. Согнувшись вышел наружу. Прикрываясь кустами, растущими вдоль дорожки, идущей к главному входу дома, подобрался поближе. Быстро выглянул, чтобы оценить ситуацию. Двое мародеров лежали на гравии, держась за животы, корчились от боли и тихо стонали. Третий, тот, у кого был пистолет, подполз к машине и пытался забраться на водительское сидение.

Еще раз оглядевшись, Ригс выпрямился и с бедра выстрелил ему в спину. Бандит сполз на асфальт. Оперативник перескочил через кусты, подобрал лежащий у машины пистолет – короткоствольный полицейский кольт¹¹. Потом быстро прошелся по карманам убитого мародера. Нашел две кассеты быстрой перезарядки с патронами. Зарядил револьвер. Подошел к двум лежащим раненым и выстрелил каждому в голову. Осмотрелся. Из дверного проема испуганно выглядывал пушистый песик.

Тихо выругавшись, Ригс согнулся, взял под мышки одного из мародеров и потащил его к машине. Минут через десять он загрузил всех, не закрывая багажник, сел за руль и отогнал старый шевроле метров на пятьсот. Остановился у богатого дома с выломанной дверью и явными следами разграбления, сделал пару выстрелов в бензобак и, убедившись, что топливо выливается на асфальт, чиркнул зажигалкой.

Дома его радостным лаем встретил мохнатый песик.

– Ах ты, защитник, – Ригс нагнулся и потрепал собачку по шелковистой холке. – Не бойся, мы тебя не оставим. Пошли, я тебя покормлю.

Бросив в миску полкружки корма, Ригс в темноте сделал себе кофе.

На востоке небо уже начало сереть. Еще час, и начнется рассвет. Тогда нужно будить сына и собираться. Он дозарядил револьвер и засунул его в карман куртки. Добавил патронов в дробовик, уселся в свое кресло и закрыл глаза.

Через пару часов оперативник помог сыну залезть на переднее сидение электромобиля и пристроил ему на колени песика. Уложил в багажник сумки с вещами, едой, пару упаковок

¹¹ *Colt Detective Special* – серия компактных короткоствольных пистолетов кольт 38 калибра, часто используемых американскими детективами в качестве второго ствола скрытого ношения.

воды и двинулся на запад Орландо. Там, по словам сына, находился приют, в который отвезли внуков.

Уже на подъезде оперативник заметил, что со стороны пансионата поднимается столб дыма. Сбавил скорость. Въехал в распахнутые ворота. Остановился. Вышел из машины. Правое крыло двухэтажного здания активно горело. Возле левого под деревьями он заметил на земле людей. Снова сел за руль и прямо по газону двинулся в их сторону. Когда подъехал метров на сто, около одного из деревьев поднялся человек и выстрелил в воздух из дробовика.

Выругавшись, Ригс остановил машину, вышел и, подняв руки вверх, направился к стрелявшему.

– Стоять! – раздался окрик, за которым последовал характерный звук передергивания затвора помповика.

– Я Норман Ригс. Полиция Майями, – уверенно соврал оперативник. – Что у вас произошло?

– Полиция? – стрелявший опустил ствол. – Что вам здесь нужно? Где вы были раньше?

– Приехал забрать своих внуков. Почему горит пансионат?

– На нас ночью напала банда. Вынесли все продукты из кухни. Запасы лекарств и кое-что из вещей. Я успел вывести ребят наружу, – он кивнул в сторону нескольких кучек детей, сидящих под деревьями, укутавшись в дождевики.

– А вы кто?

– Микки Декс. Охранник пансионата.

– Где остальные? – Ригс опустил руки и зашагал к деревьям.

– Половину больны. Остальные разбежались, как только напали бандиты.

– Норман, – он протянул руку.

– Микки, – тот ответил крепким рукопожатием.

– Военный?

– Было дело, – убедившись, что опасности нет, охранник перекинул помповик на локоть.

– За границей был?

– Ирак, Сирия. Давно это было. Лет семь назад.

– Понятно. Наверно, поэтому ты и не заразился.

– Это почему? – Микки достал пачку сигарет и протянул оперативнику. Когда тот отрицательно покачал головой, вынул одну и закурил.

– Потому что все незараженные, которых я встречал, семь-восемь лет назад были за границей.

– Я вижу, вы тоже в хорошей форме.

– Тоже был в командировке. Сейчас вот вернулся. Сына колбасит нехило. Детей отвезли в этот приют. У брата ферма километрах в ста отсюда. Хочу всех перевезти туда. Там безопасней, да и под моим присмотром будут.

– Хотите забрать детей? – охранник затаился и посмотрел на группки ребятишек, сидящих под деревьями. – Я, в принципе, не против. Директор у нас давно слег, как и старшие воспитатели. Пожарные, по-видимому, уже не приедут. Значит, это здание выгорит полностью. Куда их всех девать, я не знаю.

– Сколько у тебя?

– По списку 58. Вроде вывел всех.

– Вот что тебе скажу. Я на вашей стоянке видел школьный автобус. Как только рассветет, пакуй всех туда и дуй напрямиком к офису шерифа. Объясни ситуацию. Они тебе помогут.

– Хорошая мысль, сэр.

– Так я могу забрать своих внуков?

– Как, вы говорите, вас зовут?

– Норман Ригс. Я их дед. Их отец, Стивен Ригс, сидит у меня в машине на первом сидении. Он болен. Не может выйти. Вот его ID. Вот моя.

Охранник взял две карточки, посветив на них фонариком, внимательно рассмотрел, сфотографировал на смарт и вернул оперативнику.

– Детей как зовут?

– Сюзан и Джеймс Ригс.

– Сюзан и Джеймс Ригс! – повернувшись к сидящим на траве детям, крикнул он. – Сюзан и Джеймс Ригс! За вами приехал дедушка, – подождал немного. Никто не отозвался. – Может, они в другом приюте?

– Сын дал этот адрес.

– Сюзан и Джеймс Ригс! Выходите. За вами приехал дедушка.

– У нас нет дедушки, – донесся тонкий детский голосок от одной из групп.

– Как нет? – охранник удивленно посмотрел на Ригса.

– Я долго был за рубежом. Они меня почти не знают, – ответил тот. – Подожди секунду. Я подъеду ближе. В машине их отец. Думаю, это снимет все вопросы.

Оперативник вернулся к машине и подъехал к группе деревьев, под которыми укрывались дети. Открыл дверцу со стороны сына. В этот момент из салона выпрыгнул засидевшийся без движения пушистый песик и, несколько раз звонко тявкнув, принялся описывать круги по траве.

– Флафи! Флафи! – от одной из групп отделилась фигурка в не по размеру большом дождевике и побежала навстречу собачке.

– Флафи! – вслед за ней поднялся ребенок постарше и тоже направился к машине. – Папа, ты здесь? Ты приехал за нами?

– Ну вот. Кажется, мы друг друга узнали. Детки, идите сюда. Я ваш дедушка Норман. Папа в машине. Ему трудно ходить, но он очень хочет вас обнять, – с довольным видом проворил Ригс и повернулся к охраннику. – Так я забираю детей?

– Забирайте. Только мне нужно, чтобы вы написали какую-нибудь бумагу. Типа заявления или что положено в таких случаях.

– Есть бумага? – спросил оперативник и, увидев, что Микки развел руками, предложил. – Зато есть смарт. Давай мы с детьми встанем около открытой двери, где сидит их отец, Стивен Ригс. Я скажу что-то типа: «Я такой-то, такой-то. Дедушка. Забираю вместе с папой внуков Сью и Джей под свою ответственность». А ты это снимешь на телефон и оставишь как доказательство того, что детей забрал один из родителей.

– Думаю, этого будет достаточно, сэр.

Через пять минут электромобиль Стива выехал из ворот пансионата и направился на север в аэропорт Спурс-Крик, где, по сообщению администратора Матрицы, его ждала купленная за двойную цену, заправленная под завязку «Цессна».

Проехать в городок авиаторов оказалось не так просто. На дороге местными жителями, спасающимися от мародеров, был оборудован импровизированный блокпост. Он представлял из себя три кучи гравия, через которые был оставлен узкий извивающийся проезд. Между кучами стояла пара старых массивных бензиновых пикапов. В случае опасности ими легко можно было перекрыть дорогу. Эту фортификацию охраняли четверо. Бородатый, серьезного вида мужичок в лесном камуфляже с охотничьим карабином и трое молодых, вооруженных дробовиками парней на вид лет восемнадцати-девятнадцати. Болезнь только начала подбираться к бородачу. Это было видно по тому, как иногда непроизвольно дергается его голова и плечи и чуть подрагивают руки. Молодежь вообще не проявляла признаков инфекции.

– Стоять! – грозно крикнул один из парней, когда машина уже и так остановилась перед кучей гравия. Он с решительным видом подошел и заглянул в салон. – Кто такие? Чего надо?

– Мы едем в аэропорт, – опустив стекло, ответил Ригс.

– Аэропорт закрыт.

– Нас ждет мистер Брук. Мы договорились купить у него самолет.

– Брук? – парень перекинул ствол с руки на руку и, отвернувшись к блокпосту, громко крикнул: – Дядюшка Стэн! Тут говорят, что едут к старине Бруку. Говорят, что тот продает им самолет.

– Брук? Этот старый скряга все же сумел вдуть развалюху Трейси Майлз. Вот стервец, – бородач вышел из-за кучи и, не выпуская карабин, направился к машине. – Интересно, сколько он запросил за это летающее корыто. Последний раз сумасшедшая старуха Трейси просила за него бешеные деньги.

– Э... При всем уважении, это коммерческая тайна, – вежливо улыбнулся оперативник.

– Ладно. Это ваши дела. Вижу, вы можете себе позволить такие покупки, – махнул рукой мужик, с завистью оглядев вызывающе дорогой электромобиль. – Знаете, как добраться до старины Брука?

– Мне сказали, что он в ангарах обслуживания в южной части взлетной полосы.

– Верно. Он там оборудовал себе нору и живет в окружении своего хлама. Прижимистый старикан, жадный. Но лучшего механика здесь не найти. Вы из Орlando? Как там обстановка? По новостям передают, что началась буза. Люди грабят магазины. Бандиты из гетто грабят людей. Полиция не справляется. Говорят, хотят ввести армию. А где ее взять, если эпидемия накрыла почти всех?

– В Орlando неспокойно. Беспорядки. Много мародеров. Всю ночь была слышна стрельба.

– На нас тоже пытались наехать. Но мы вовремя отгородились, – бородач неестественно вывернул голову вбок, словно шею свела внезапная судорога. Потом, кривясь от боли, выправил ее с видимым усилием. – Похоже, меня тоже зацепило. Но, думаю, пару месяцев еще есть. А там, глядишь, и лекарство найдут.

– Парнишки ваши, я вижу, бодрые, – Ригс перевел взгляд на стоящего рядом юношу.

– Наша надежда, – невесело улыбнулся мужик. – Я заметил, дети совсем не болеют. А молодежь до двадцати редко-редко.

– Хоть это хорошо.

– Вы вот что, – увидев, что гости не представляют опасности, бородач закинул карабин за спину. – По городку не шарьтесь. Дуйте прямо на полосу. Нигде не останавливайтесь. Люди сейчас нервные. Многие уже не понимают, что творят. Могут и пальнуть со страху.

– Спасибо за совет, – кивнул Ригс и медленно двинулся вперед, плавно огибая кучи гравия.

Ремонтный ангар старины Брука находился в ряду из десятка других в южной части полосы. Найти его было несложно. Над настежь открытыми воротами во весь фасад красовалась выцветшая надпись «Bruck's Maintenance»¹², а над ней – поблекшая картинка в стиле 70-х, изображавшая пышногрудую красотку в бикини, сидящую верхом на самолете. Рядом стояла потрепанного вида «Цессна» и еще один самолет посвежее, марку которого Ригс угадать не смог.

Подъехав к самым воротам, оперативник пару раз посигналил и вышел из машины.

– Это кто тут такой шумный? – из внутренностей ангара, где оказался еще один самолет с разобранным отсеком двигателя, показался старик в засаленном комбинезоне и пестрой бандане. В руках он держал дробовик, похоже, самое популярное в этих местах оружие. Никаких следов болезни у него заметно не было.

– Мистер Брук, меня зовут Смит. Мой секретарь договорился с вами о покупке самолета и произвел оплату.

¹² Станция обслуживания Брука.

– Ну, во-первых, не со мной, а с Трейси Майлз. Ее муж недавно отдал богу душу. Вот она и решила продать «Цессну», – он кивнул в сторону самолета.

– Я сожалею, сэр. И рад, что вы выглядите отлично. В чем секрет вашего отменного здоровья в это тяжелое время?

– Вот мой секрет, – старик достал из кармана комбеза приличного размера плоскую стальную фляжку, отработанным движением свинтил пробку и с видимым удовольствием сделал длинный глоток. – Вот мое лекарство. С ним мне никакие доктора, никакие прививки не нужны. С ним я ковид пережил десять лет назад и эту хрень переживу.

– Не буду спорить. Бренди – лучшее лекарство. Так я могу забрать самолет?

– Какой ты приткий. Сначала я позвоню Трейси. Спрошу, получила ли она деньги, – старик почесал небритый подбородок и, достав смарт, отошел в сторону. Вернулся через минуту. – Все ОК. Трейси деньги получила. Теперь заплатите мне за обслуживание борта, мелкий ремонт и заправку.

– Постойте, – поднял брови Ригс. – Мне сообщили, что я приму готовый к эксплуатации самолет без всяких дополнительных платежей. Я и так заплатил почти двойную цену.

– Не знаю, кто вам и что там сообщил. Но я всю ночь провозился с этой птичкой. Подлатал, настроил, протестил. Ты не смотри, что она обшарпанная. Мужик Трейси в последнее время нечасто поднимался в небо. Зато нутро у нее еще о-го-го. Даст фору новым. Точно даст. А это все работа. А работа стоит денег.

– И сколько стоит ваша работа?

– Ну? – старик закатил глаза, хотя по лицу было видно, что он уже просчитал, сколько можно содрать с богатеньких и глупых горожан, приехавших к нему на дорожном автомобиле. – За обслуживание, запчасти и керосин – шесть штук. Но вам я сделаю скидку. Пять пятьсот. Зато этот аппарат гарантированно облетит вокруг света.

– Ладно, – махнул рукой Ригс. Ему хотелось побыстрее оказаться в кресле пилота. Впереди был длинный перелет. – Давайте счет. Я сделаю перевод.

– Наличными, – хитро улыбнулся старик.

– Где ж я возьму столько наличных?

– А я почем знаю. Нет наличных – нет самолета.

– Послушай, дед, ты начинаешь меня утомлять, – оперативник сделал быстрый шаг вперед, выкрутил из рук старика дробовик и толкнул его внутрь ангара. Тот, ойкнув, повалился на пятую точку и, испуганно озираясь, попятился назад. – Только из уважения к твоему возрасту я сейчас не разобью тебе лицо и не сожгу этот гребаный сарай. Понятно?

– Понятно-понятно, – активно закивал головой старик. Горожане оказались жестче, чем он думал.

– Поступим так. Денег за ремонт ты не получишь. Но в расчет я оставляю тебе свою машину.

– Эту? – старик выглянул из-за надвигающегося на него Ригса, чтобы рассмотреть электромобиль.

– Эту, – оперативник протянул руку и помог старику встать. Когда тот поднялся на ноги, он резким движением дернул его на себя и впился взглядом в его глаза. – И слушай сюда, старый скряга. Мне нужно на этом аппарате пройти четыре тысячи кэмэ. Ты уверен, что он по пути не развалится?

– Нет-нет, вы что, сэр. Не смотрите, что он обшарпанный. Внутри все отлажено. И пять, и шесть, десять тысяч пройдет без проблем.

– Смотри, мистер Брук. Если, не дай бог, по дороге эта «Цессна» хоть раз чихнет, сюда приедут мои люди и засунут твою фляжку в твой старый зад до самой глотки. Понятно?

– Понятно. Отчего ж не понять.

– Уверен? Может, что-то еще нужно подправить?

– Уверен на сто процентов. Я лучший механик в этой дыре. За свою работу отвечаю.

– Это радует. А теперь тащи документы на самолет. И пойдем, поможешь мне погрузить сына на сидение второго пилота. Он у меня нехило болен, – Ригс разрядил дробовик старика и забросил его в глубину ангара.

Минут через пятнадцать, когда «Цессна» резво взяла разгон и взмыла в утреннее небо, Брук с довольным видом подошел к своему новому приобретению. Богатого темно-зеленого перламутрового цвета. Светло-коричневые кожаные сиденья. Огромные низкопрофильные диски. И внутри, наверно, полный фарш. Этот автомобиль стоил минимум полсотни штук. Какая неожиданная удача! Какое приобретение!

Облизнувшись, старик в красках представил, как на зависть всем прокатится по центральной улице, подъедет к торговому центру и молодые красотки будут смотреть на него и перешептываться: «А старина Брук еще о-го-го». Он нажал кнопку на пульте. Машина мелодично пикнула. Водительская дверь чуть приоткрылась, словно приглашая нового хозяина в шикарный салон. С важным видом старик осмотрелся, забрался на водительское сидение, с наслаждением вдохнул аромат дорогого освежителя. Положил руки на руль и, наслаждаясь приятной кожаной обивкой, закрыл глаза в предвкушении.

Даже в самых своих смелых мечтах он не предполагал, что когда-нибудь станет обладателем такого дорогого автомобиля. Справа от руля нашел кнопку «Старт» и осторожно нажал, ожидая услышать тихое шелестение электродвигателя. Вместо этого автомобиль пиликнул, словно потревоженная канарейка, и приятный женский голос произнес: «Добрый день, хозяин, я готова к поездке. Прошу подтвердить авторизацию через приложение».

– Какое, нахрен, приложение? – старик нервно заерзал в богатом кресле.

Покусывая от напряжения губы, он еще несколько раз нажал на «Старт», потом понажимал все кнопки пульта. Результат был тот же. Автомобиль требовал авторизацию через мобильное приложение. В конце концов на дисплее появилась красная надпись: «Вы не прошли авторизацию. Все системы заблокированы. Для разблокировки обратитесь к оператору спутникового мониторинга и контроля».

Поняв, что попал, старик вылез из машины и, потрясая кулаками в сторону неба, завопил:

– С-у-у-ки!

В это время Ригс напряженно сжимал штурвал самолета. Чуть покачивая «Цессну» плавными движениями влево-вправо, на себя-от себя, он пытался освоиться с контролем и поймать тот неуловимый момент, когда машина и пилот становятся одним целым. Как-то давно его инструктор по летной подготовке сказал, что лететь – это как ездить на велосипеде: если раз научился, навык остается на всю жизнь. Похоже, он был прав. Через полчаса оперативник освоился с управлением и приборами и, включив автопилот, посмотрел на сына.

– Ты как?

– Офигеть. Ты умеешь пилотировать? – дернув головой, спросил тот.

– Так. Учился в молодости. Вроде не забыл. Тебе дать лекарство?

– Нет. Я хочу немного побыть в сознании. Я давно не летал так низко. Отсюда хорошо видно землю. Впереди залив. Я хочу посмотреть на залив. Пить хочется.

– Ну тогда наслаждайся видом, – Ригс обернулся на заднее сидение, где вжались в кресла притихшие внуки. – Детки, дайте-ка мне воды. А то папа хочет пить.

Старший Джеймс достал из упаковки литровую бутылку и протянул деду. Когда тот принимал воду, мохнатый песик, сидящий у внука на коленях, умудрился облизать его руку в знак благодарности, что его не бросили.

– Держи, – Ригс передал воду Стиву. – Когда начнет мутить или почувствуешь головные боли, скажи. Я там тебе таблетку фентанила. Она не такая сильная, как укол, но симптомы снимет.

– Дедушка Норман, а почему мы тебя раньше не видели? – пролепетала с заднего сидения малышка Сью.

– Почему? – оперативник задумался. – Так сразу и не ответишь. Понимаешь, у меня была работа за границей, далеко-далеко. Я не мог ее бросить, чтобы навестить вас.

– Ну конечно, – хмыкнул сын.

– Не буду же я им говорить, что порвал с семьей, чтобы обезопасить вас на случай, если меня решат ликвидировать. А так все думали, что мне на вас наплевать. Развод. Связи нет. Через вас давить на меня бесполезно. Не то, чтобы кто-то пытался, но все же.

– Это был твой выбор. Семья или работа на правительство.

– Мой. Причем осознанный. Я был молод. Наивен. Я предполагал, что если хорошенько надавить тут или там, устранить пару внешних препятствий, то Америка вернет себе роль мирового лидера. Я думал, что это благо для всего человечества. Верил в свободу, в демократию.

– Что сейчас изменилось?

– Все, – разочарованно вздохнул Ригс. – Я повзрослел. Наивные мечты о справедливости разбились о холодную реальность, где жажда денег и власти является основным мотивом. Я понял, что Америка уже никогда не станет прежней. Американскую мечту не вернуть. Она мертва. Ее последовательно убивали на протяжении последних двадцати лет, затаскивая людей в вонючее болото цифры. Убивали в них естественные желания и ценности. Подменяли их на навязанные цифрой животные потребности и извращения. В один момент я понял, что не хочу возвращаться в такую Америку. Там, за границей, если не брать гниющую Европу, все пока еще по-другому. Там разложение всего человеческого еще не достигло критического уровня. Там мне легче. Спокойнее. Я там чувствую себя дома. И у арабов, и у латинос, и в Восточной Европе, и в Азии.

– И все же ты вернулся, – Стив дрожащей рукой открутил пробку и сделал несколько глотков воды, пролив немного на рубашку.

– Вернулся. Старею, наверно. Становлюсь сентиментальным, – оперативник сунул сыну салфетку.

– Скажи, ты много убил людей?

– Зачем тебе это? Что изменится, если ты узнаешь ответ? Если ты убил одного, все – ты переступил черту. Ты отнял чужую жизнь. Если только это не случайность или не несчастный случай, то неважно, хорошего парня ты убил или плохого. Неважно, ради чего. Неважно, оправдано или нет. Дальше без разницы, сколько жизней ты отнимешь – пять, десять, сто. Ты переступил черту. На тебе кровь человека.

– Странно все это. Странно и страшно.

– Согласен, – кивнул Ригс. – Вы здесь, в Штатах, жили, как на острове. Большинство в безопасности и в достатке. А в это время в мире полыхали конфликты, которые развязала Америка. Люди гибли сотнями тысяч, целые города превращались в руины. А вы сидели у телевизоров, потягивали бурбон и внутренне радовались, что это происходит не с вами. Нет ничего, что подсознательно делает американца более счастливым, чем наблюдение, как страдают другие в то время, как он сидит у телевизора в мягком кресле в комфорте и безопасности своего дома в окружении семьи.

– И вот теперь Америку накрыло.

– Причем очень серьезно, и, боюсь, из этой задницы ей уже не выбраться.

– Есть мысли, что это за болезнь?

– Я не медик. Все выглядит довольно странно. Это явно не вирус. Вспомни ковид. Вирус косил всех: и детей, и взрослых, и стариков. Тут что-то другое. Дети и молодые люди не болевают. Те, кто был за границей, похоже, тоже не заражены. Я видел две группы мародеров из гетто. Ни у одного не было признаков болезни. Это все очень странно. Мы сейчас летим к

человеку. Очень важному и влиятельному. Я с ним когда-то вместе работал. Вернее сказать, работал на него. Он говорит, что знает ответы. Посмотрим, что он скажет.

– Посмотрим, – тихо проговорил сын и, закрыв глаза, откинулся в кресле.

– Ладно. Ты пока попытайся подремать, а я разберусь с навигатором.

Пройдясь глазами по приборной панели, Ригс убедился, что показатели приборов в норме. Оглянулся на внуков. Те, прижавшись друг к другу, мирно посапывали. Ну и славно.

Он включил планшет бортового ассистента, отображавшего ту же информацию, что и на панели, только в цифровом виде. Открыл меню с данными о самолете, бортовым позывным, а главное, картой, где можно было метками проложить маршрут для автопилота и через наземные диспетчерские пункты следить за воздушной обстановкой в своем секторе. Ассистент также использовался для связи с ботами аэропортов. Если порыться, там можно было найти описание нештатных ситуаций, которые могли возникнуть в воздухе, и способы их преодоления. Вся система работала через бортовой Wi-Fi, поэтому ассистент можно было снять с панели и использовать как обычный планшет.

Администратор указал первую точку для дозаправки в Луизиане. Там, рядом с крупным городом Александрией, помимо международного аэропорта располагался региональный аэродром, служивший базой местной легкомоторной авиации, а рядом с ним находилась летная школа «Flightline Air Service» со своей полосой и базой обслуживания. Там как раз и располагалась первая точка дозаправки, подобранная администратором Матрицы.

От Орlando до Александрии около тысячи км, так что при посадке в баках будет еще запас на час лета. Это оставит возможность для маневра, если на точке что-то пойдет не так.

Ригс выбрал более медленный, но экономный режим полета. «Цессна» шла со скоростью 220 километров в час на высоте 3500 метров. Из самолета можно было выжать еще километров 80, но тогда расход керосина был бы больше, да и двигатель перенапрягать не хотелось. Стarina Брук оказался прав. Все системы работали штатно. Двигок ни разу не чихнул, когда он проверял его на разных режимах. Видно, скряга действительно знал свое дело. Машина была хорошо подготовлена к дальнему перелету.

Установив метки на навигаторе и синхронизировав его с автопилотом, оперативник посмотрел вниз через стекло кабины. Они шли над северной частью Мексиканского залива. В направлении Нового Орлеана. Третью пути была пройдена. Впереди еще часа три с половиной лета. Если бы рядом был второй пилот или хотя бы адекватный пассажир, то можно было бы дремнуть часок. Но на сына в его нынешнем состоянии полагаться было нельзя. Значит, весь полет придется контролировать самому. Оперативник достал смарт, подключился к спутниковому каналу, вставил в ухо гарнитуру коммуникатора и набрал дежурного администратора Матрицы.

– Как обстановка в конторе?

– Все под контролем, сэр. Активных проектов нет. Часть подразделений перешла в холодный режим. Штаб-квартира и группа оперативного реагирования функционируют в режиме ожидания.

– Я тут выпал из обоймы на пару дней. Новостей не смотрю, ленты не читаю. Как в Стамбуле обстановка? Есть ли признаки эпидемии?

– Нет, сэр. В открытый доступ просачивается информация только о единичных случаях пациентов с острым поражением нервной системы. После обращения Белого дома к американцам турки ввели в аэропортах карантин. Правительство планирует полностью закрыть страну.

– А что в остальном мире?

– Паника, сэр. После заявлений Белого дома европейские лидеры хранят молчание. Но народ понял, что к чему. Начались волнения, погромы. В России, Китае, Африке, Азии и Южной Америке вроде признаков эпидемии нет. Сообщают только о единичных случаях. Но правительства напуганы. Везде вводят карантин и режимы изоляции.

– Зря беспокоятся. Эта хрень, похоже, не заразна.

– Как обстановка в Штатах?

– Сложно. Много зараженных в разных стадиях развития болезни. Правительство ситуацию не контролирует. Ресурсов нет. Ключевые фигуры сами больны. Белый дом объявил чрезвычайное положение и делегировал решение проблем на уровень штатов. Люди постепенно осознают масштаб катастрофы и выходят из-под контроля. Насколько я понимаю, это только начало эпидемии. Дальше будет хуже. Здесь все полетит к чертям.

– Как ваш сын? – осторожно спросил администратор.

– Не очень. Постоянно на опиатах, – вздохнул Ригс. – Хорошо хоть внуки здоровы. Думаю, там, куда я лечу, я найду ответы.

– Удачи, сэр. На полосе летной школы вас будут встречать частники¹³. Контора проверенная, надежная, из нашего списка. Они проследят, чтобы все прошло гладко. Их частоту и позывные я сброшу, как только начнете снижение.

– Спасибо. Хорошая работа.

– Еще вопрос, сэр. Поскольку вы находитесь во враждебной обстановке, может стоит перебросить вам оперативную группу Матрицы. Ближайшая находится на Тайване. В Орегоне, куда вы направляетесь, может быть в течение суток.

– Не нужно пока дергать людей. Я лечу к друзьям. У них достаточно ресурсов, чтобы обеспечить безопасность. Передайте в штаб, чтобы держали всех в тонусе. У меня создается ощущение, что нам скоро предстоит участвовать в спасении мира.

– Да, сэр.

Летная школа располагалась на севере Александрии на длинном полуострове, глубоко вклинившемся в озеро Буллоу, и имела полосу длиной 800 метров. Причем одна ее половина была бетонной, а вторая грунтовой. Скорее всего, чтобы дать возможность курсантам потренироваться на покрытии разного качества.

Диспетчер международного аэропорта принял на сопровождение транспондер «Цессны» километров за сто. Сообщил, что основной аэропорт закрыт для гражданских судов, и обозначил маршрут и эшелон подхода к летной школе. Ригсу пришлось делать круг над Александрией, чтобы зайти на полосу с севера, с противоположной от города стороны.

Внизу картина не очень отличалась от той, что он видел в Орландо. По окраинам догорали несколько крупных торговых центров. Дым поднимался и из кварталов частной застройки. По всему городу мелькали мигалки пожарных и полицейских машин. На северной развязке у въезда в город образовалась мертвая пробка. В нее безнадежно уперлась колонна военной техники машин в двадцать. Кое-где были видны вертолеты, барражирующие над зданиями на малой высоте. Похоже, город понемногу накрывал хаос.

Заложив плавный поворот, Ригс сообщил, что заходит на посадку. Ответа от диспетчера не последовало. Он несколько раз продублировал сообщение, но вышка международного аэропорта Александрии молчала. Тогда, выйдя на глиссаду к полосе, он переключился на другую частоту.

– Это Оскар Браво. Захожу на посадку с севера. Подведите готовность.

– Оскар Браво, это Мама Бейкер. Готовы принять. Садитесь в самом начале полосы. В центре тормозите и развернитесь. Не приближайтесь к ангарам и к зданию школы. Не глушите двигатель. Кабину не покидайте.

– Принял, – ответил немного встревоженный Ригс и приступил к снижению.

Шасси «Цессны», коснувшись бетонной полосы в самом ее начале. В один момент оперативник даже подумал, что приземлится на грунт, но штурвалом вытянул самолет до бетона. Сразу же включил торможение и поднял закрылки, чтобы погасить скорость. Еще на подлете

¹³ Общее обозначение частных силовых структур.

он заметил, что справа на рулежной дорожке стоит заправщик и пикап. У пикапа четыре человека в боевой экипировке и с оружием.

Остановив самолет на полосе, он резко развернулся. Не дожидаясь окончания маневра, бензовоз двинулся к «Цессне» прямо поперек летного поля. За ним последовал пикап и занял позицию сзади, закрывая самолет со стороны здания школы и ангаров. Из кузова выскочили бойцы и припали на колено, направив стволы штурмовых винтовок в разные стороны. Дверь бензовоза открылась, и из нее вывалился мужичок в красном комбезе с эмблемой летной школы. Его подталкивал прикладом один из бойцов. Поднявшись с земли, мужичок ухватился за шланг и потянул его к самолету.

– Это Оскар Браво запрашивает Мама Бейкер. У вас проблемы с местными?

– Это Мама Бейкер. Проблемы решены. Опасности нет. Эта полоса была занята местными бандитами. Пришлось их проредить.

– Спасибо, ребята.

– Любой каприз за ваши деньги, сэр.

– Мой совет – тратьте их быстрее. Скоро доллары не будут стоять бумаги, на которой напечатаны.

– Принято, – ответил голос в наушнике.

Заправка заняла меньше десяти минут. Ригс помахал из кабины частникам, добавил обороты и после короткого разбега поднял «Цессну» в воздух.

Следующей меткой на маршруте был городок Розуэлл в Нью-Мексико. Тот самый, где в 47-м году прошлого века жители нашли разбившуюся инопланетную летающую тарелку. Или говорят, что нашли. Или не тарелку, а блюдо. И не инопланетную вовсе, а ту, что запустили местные вояки.

Со временем эта мутная история обросла легендами и слухами. Якобы приехали люди в черном, погрузили тарелку и тела инопланетян в военный транспорт и увезли в Неваду на секретную базу, известную как Зона 51. Шума тогда вокруг инцидента в Розуэлле было много. Он-то и обеспечил стабильный приток туристов и стал одной из основ процветания скучного, расположенного посреди каменистой пустыни провинциального городка.

На южной окраине города находился региональный аэропорт и большая стоянка-кладбище использованных гражданских лайнеров, которые местный подрядчик не спеша утилизировал на лом. С востока к кладбищу примыкала старая взлетная полоса длиной почти два километра. На нее отработавшие свой срок самолеты совершали свою последнюю посадку. Два раза в год эта широкая бетонная полоса, способная принимать тяжелые лайнеры, превращалась в гоночную трассу, где проходили фестивали драг-рейсинга¹⁴, собиравшие энтузиастов и фанатов со всего западного побережья. Именно ее администратор обозначил для следующей дозаправки. Организовать все должен был местный шериф, который получил указания от важного босса из Санта-Фе. Типа, летит важный чел. Обеспечьте заправку и безопасность.

Перелет занял чуть больше четырех часов. Ближе к шести вечера «Цессна» зашла на посадку на гоночную трассу. В ее конце у ангаров стоял пикап шерифа с включенными мигалками и заправщик.

Следуя указаниям администратора Матрицы, Ригс зашел на полосу с юга, связался с шерифом и запросил посадку. Подкатил к встречающим и по рации сообщил:

– Шериф Уотерс, это борт Оскар Браво. Прибыл для дозаправки.

– Оскар Браво, это помощник шерифа Гонсалес. Добро пожаловать в Розуэлл. Из пикапа с эмблемой шерифа вылез молодой человек в форме и белой ковбойской шляпе и приветливо помахал рукой.

– Как у вас обстановка? – поинтересовался Ригс.

¹⁴ Уличные гонки по прямой на короткую дистанцию.

– Пока спокойно, – ответил по рации помощник шерифа.

– Можно выйти, размяться и детей сводить в туалет? А то я уже 9 часов за штурвалом.

– Валяйте. Туалет и вода там, в ангаре, – я пока скажу портовому технику, чтобы заправил ваш самолет.

– Со мной больной. Ходит кое-как сам, но вот спустить его с самолета я один не смогу. Поможете?

– Конечно, сэр, – помощник махнул рукой. Из машины вышел еще один молодой парень в форме и помог спустить Стива на землю.

Справив нужду и усадив сына обратно в кресло, Ригс отпустил детей побегать с собачкой, сам подошел к помощнику.

– Больных в городе много?

– Не очень, – качнул головой тот. – Судя по новостям, в больших городах совсем все плохо.

– Я лечу из Орландо через Александрию. Там погромы, бандиты и мародеры. Власти сообщают, что большая часть населения заражена.

– Это печально, сэр. У нас тоже есть пара сотен больных. Может, еще под тысячу зараженных. Но большинство населения вроде здорово. Господь пока помиловал Розуэлл, – он быстро перекрестился и по мексиканской традиции поцеловал ноготь большого пальца.

– Я рад за вас. Есть мысли, почему вас не накрыла эпидемия?

– Понятия не имею. Мы находимся в глуши. Может, сюда болезнь просто не дошла. Одна клиника на сорок тысяч. Да и ту почти никто не посещает. Может, иммунитет какой. Или воздух здесь особый.

– Может и так, – улыбнулся Ригс. – В любом случае удачи вам.

– Спасибо, сэр, – Гонсалес приложил два пальца к ободку шляпы, словно отдавая честь. – И вам хорошего перелета.

Через десять минут «Цессна» снова была в воздухе и, заложив плавный поворот, шла на северо-запад к следующей точке.

Тут нарисовалась одна проблема. Под мерное жужжание мотора Ригс стал клевать носом. Он почти не спал прошлую ночь и уже находился в воздухе больше десяти часов. Кофе в термосе закончился. Усталость давала о себе знать. Глаза смыкались. Оперативник включил автопилот и пробовал дремать, но полноценного отдыха не получилось. Самолет иногда проваливался в воздушные ямы, покачивался под порывами ветра. Тогда Ригс резко приходил в себя, вздрагивал и судорожно хватался за штурвал. Ему определенно нужно было отдохнуть. До следующей заправки он дотянет, но продолжать полет дальше в таком состоянии было крайне рискованно.

Ругая себя за то, что с возрастом начал терять навыки, приобретенные в армии и в ЦРУ, оперативник набрал администратора. Тот сообщил, что следующая точка заправки будет в Неваде, в региональном аэропорту города Рино. Город побольше, чем Розуэлл. Тысяч под двести пятьдесят. Там его встретят частники и помогут заправиться. Но в городе беспорядки, которые активно пытается подавить армия. Оставаться там небезопасно.

Поразмыслив, Ригс попросил поискать вариант, где можно было бы переночевать вне города. Таких оказалась немного. Администратор предлагал заправиться в Рино, затем перелететь на старую грунтовую полосу в полузаброшенном поселке километрах в двадцати северо-восточнее, тихо там приземлиться и провести ночь. В сложившейся ситуации – так себе вариант. Никто не знает, как себя поведут местные, увидев, что на окраине сел чужой самолет. Но другого варианта не было и Ригс решил рискнуть. Он приземлится на грунтовке, поспит пару часов, пока сын и внуки по возможности будут следить за обстановкой. Потом продолжит последний перелет его длинного маршрута через весь континент.

Правда, нужно предупредить Хофмана, что он опоздает часа на четыре и прилетит глубокой ночью.

– Ты авантюрист, Смит, – недовольно пробурчал в трубку старик. – Почему ты не сказал, что у тебя нет надежного трансфера до Орегона? Я бы тебе помог.

– У меня есть свой самолет, – отреагировал оперативник.

– Ага. И ты на нем скачешь, как блоха, через все Штаты с восточного побережья на западное, подвергая себя ненужному риску.

– Выбор у меня был очень ограничен.

– Нужно было спросить меня. Я бы договорился с военными. Посадили бы тебя на транспортник. Они сейчас активно туда-сюда летают. Ладно. Что-нибудь придумаем. Ты сейчас над Ютой. Идешь на северо-запад. Держи этот курс. В течение часа я сброшу тебе координаты.

Минут через тридцать от Хофмана пришло сообщение с координатами. Ригс вбил его в навигатор и уважительно покачал головой. Его следующей точкой будет секретная военная база на юге Невады, известная как Зона 51. По слухам, как раз туда в 47-м году и эвакуировали летающую тарелку и трупы инопланетян из Розуэлла. Если старик получил туда доступ, значит, он не утратил свои связи в Пентагоне.

Что ж, лучший вариант придумать было сложно. Там, на базе, он сможет в безопасности отдохнуть, дозаправиться, а завтра за один перелет добраться до нужной точки на севере Орегона.

На полосе базы «Цессну» встретил броневедомитель военной полиции и проводил к отдельному ангару обслуживания, стоявшему в самом ее южном конце. Из автомобиля вышел молодой офицер с двумя солдатами.

– Сэр, вы остановитесь на ночь здесь, в этом ангаре, – коротко козырнув, безапелляционным тоном заявил он. – Ангар пустой. Внутри стоят четыре койки. Есть вода и армейские пайки. Туалеты и душевые с левой стороны в офисной зоне. Можете пользоваться свободно. За пределы ангара не выходить. Съёмку базы не вести. Ангар и прилегающая территория будут патрулироваться роботами. Завтра утром в шесть часов прибудет заправщик. После этого вам разрешат вылет.

– Понятно, лейтенант, – козырнул в ответ Ригс. – Спасибо, что приняли. Как обстановка на базе?

– Это закрытая информация, сэр. Вот вам рация, настроенная на частоту дежурного, отвечающего за полеты. Если что-то случится, свяжитесь с ним, – офицер еще раз козырнул и направился к машине.

Двое солдат помогли высадить из кабины Стива и детей и проводили всех внутрь ангара. Там, рядом со входом, у стены стояли четыре армейские раскладные койки, стол и четыре пластиковых стула. Рядом с ними – упаковка воды и несколько коробок с армейскими рационами. При их виде Ригс понял, что не ел уже часов двенадцать. В самолете он перекусил шоколадным батончиком и чипсами. Это была вся его еда за день.

Строго предупредив детей не выходить за пределы ангара и следить за собачкой, Ригс уложил сына на кровать, дал ему бутылку воды, а сам уселся за стол и обложился коробками с пайком. Он давно не видел стандартных армейских рационов и был приятно удивлен их качеством. В каждом было три отделения с полноценным приемом пищи. Завтрак состоял из четырехсотграммовой упаковки готового омлета с беконом, фасолью в томате и пачки пшеничных тостов. На обед был огромный двойной бургер с говядиной в пластиковом блистере и вакуумный пакет сушеной картофельной соломки с луком и паприкой. На ужин – куриные наггетсы и сублимированная лапша. Все вторые блюда были запаяны в саморазогревающуюся упаковку. К каждому приему пищи полагались 50 грамм сливочного масла, такое же количество фруктового джема и порция витаминизированного концентрата апельсинового сока, который можно было растворить в воде. Но главное, в рационе имелась небольшая горелка, запас сухого спирта

и десяток пакетиков растворимого кофе, упакованного в кружку из толстой фольги. Америка заботилась о своем солдате. Может быть даже слишком.

Довольный увиденным Ригс принялся готовить ужин. Первым делом разжег горелку, придав кружке форму, налил воды и поставил на огонь. Потом позвал детей, гонявших собаку по огромному, размером с футбольное поле ангару. Старший выбрал бургер, младшая – наггетсы. Подождал, пока еда подогреется. Усадил внуков за стол. Малыши за весь день, кроме чипсов, ничего не ели, поэтому уговаривать их не пришлось. Сыну разогрел омлет и с ложки покормил. Собачке высыпал в упаковку из-под омлета две добрые жмени корма, пакет которого прихватил с собой из дома Стива, поставил кружку воды и долго наблюдал, как песик с аппетитом чавкает, косясь на него благодарными глазами.

Когда убедился, что все поели, разогрел себе бургер и с удовольствием впился в него зубами. Удивительно, но продукт длительного хранения сохранил аутентичный вкус, что несказанно радовало пустой желудок. После ужина растворимый солдатский кофе казался вершиной блаженства. Не хватало лишь маленького штриха. Ригс залез в сумку, вытащил бутылку выдержанного бренди и прямо из горлышка сделал несколько длинных глотков.

– Дедушка Норман, а почему мы летим так далеко? – спросила малышка, хлопая огромными ресницами.

– Потому, детка... – он взял ее и посадил на колени.

Словно ища защиты, Сью прижалась к его груди. Ригс замер, охваченный чувством, которое он испытывал так давно, что уже не помнил, когда это было. Счастье. Тогда у него на коленях сидела жена. Она только что сообщила, что у них будет ребенок, и так же прильнула к нему, ища защиты и понимания. В то время он и понимал, и защищал. А потом все изменилось.

– Почему, – пролепетала кроха Сью. По голосу было видно, что девочка засыпала.

– Давай я тебе обо всем расскажу завтра. Нам утром рано вставать, чтобы сделать последний перелет. А сейчас нужно поспать.

– Давай, – малышка сладко зевнула.

Осторожно, чтобы не потревожить, Ригс поднял ее на руки, перенес на койку, уложил и накрыл одеялом, хотя в нагретом за день ангаре было достаточно тепло. Потом он уложил и Джеймса.

– Из тебя выйдет неплохой дед, – отозвался со своей кровати сын. – Я не ошибся, вызвав тебя.

– Ладно. Спи. Я тебе сейчас вколю дозу, чтобы ты утром был, как огурец, – улыбнулся Ригс.

Уложив семью, он снова уселся за стол, сделал глоток бренди из бутылки и допил остывающий кофе. Потом прошелся по ангару, проверил, закрыты ли выходы. Вернулся на место. Достал дробовик и улегся на койку.

Пушистый песик запрыгнул к нему и, усердно вылизав руку мягким розовым язычком, устроился сбоку.

«Счастье, – подумал оперативник, поглаживая шелковистую шерстку собачки. – Блин. Это было счастье.» Веки сомкнулись, и он в первый раз за двое суток заснул нормальным крепким сном.

Посреди ночи его разбудили далекие звуки стрельбы. Не одиночные, а непрерывная густая трескотня стрелковки, прерываемая басистыми короткими очередями крупного калибра. Судя по звукам, на базе, располагавшейся в полутора километрах у северного края взлетной полосы, шел полноценный контактный бой.

Прихватив оставленную офицером рацию, Ригс направился к двери из ангара. Аккуратно открыл ее и выглянул наружу. Стрельба действительно шла со стороны базы. Главная ее зона была подсвечена прожекторами. То тут, то там в ночное небо уходили рикошеты трассеров.

По периметру барражировали два вертолета, активно поливая неизвестные цели из бортовых пулеметов. Бой шел в самом центре базы в районе казарм.

Кто мог атаковать этот хорошо укрепленный военный объект? Явно не бандиты. Теряясь в догадках, оперативник осторожно вышел наружу. Он помнил, что ангар охраняется боевыми роботами, и не хотел попасть в поле их зрения. Его опасения оказались напрасны. Метрах в двухстах четыре патрульных робота, включив мигалки, неслись со всех ног к месту боя.

– Что там, черт возьми, происходит? – пробурчал Ригс, жалея, что у него нет бинокля.

В этот момент к одному из вертолетов метнулась искорка ПЗРК. Тот, выпустив веер ловушек, попытался уйти в сторону, но не успел. В воздухе полыхнул взрыв, и вертушка, вращаясь вокруг своей оси, рухнула на землю. Второй вертолет снизился почти до самых крыш и отлетел в пустыню на безопасное расстояние. Там он снова набрал высоту и выпустил по казармам два полных пакета НУРов¹⁵. Затем опять припал к земле и осторожно пошел в сторону базы, обстреливая ее центр из тридцатимиллиметровой пушки.

Ригс завороченно наблюдал за боем, который вполне мог сойти за штурм базы полноценным армейским подразделением противника. Он бросил быстрый взгляд на стоящую рядом «Цесну». Потом снова повернулся к базе и увидел, как из одного из ангаров на рулежную дорожку выкатился транспортник С-130.

Натужно ревя двигателями, не сбавляя скорости на поворотах, он рванул к полосе. Там резко развернулся, чуть не завалившись на правое крыло, и начал набирать скорость для взлета. В этот момент вертолет выпустил управляемую ракету. Она прочертила короткую линию к несущемуся по полосе транспортнику и ударила в центр фюзеляжа в районе крыльев. С-130 полыхнул огненным шаром, развалился на две части и, оставляя за собой огненный шлейф вытекающего горючего, остановился в центре полосы в километре от их ангара.

С базы из просвета между складами, мотаясь из стороны в сторону, выехал военный грузовик. Буксанув на песке, он выскочил на рулежную дорожку и, набирая скорость, направился к их ангару. Заметив приближающуюся технику, бегущие к месту боя роботы рассыпались веером, присели, занимая боевую позицию, и открыли по грузовику огонь из пулеметов. Ригс видел, как пули рвут металл кабины, как разлетелось лобовое стекло, как лопнули передние покрышки. Машину мотнуло в сторону. Она съехала с бетона в песок и завалилась на бок.

Три патрульных робота продолжили движение к базе. Четвертый осторожно обошел машину, с близкого расстояния дал несколько очередей по кабине и резво побежал вслед за остальными.

– Твою ж мать. Здесь становится жарко. Нужно валить, – выругался Ригс и включил рацию. – Воздушный контроль, это гражданский борт Оскар Bravo. Что происходит на базе?

– Гражданский борт Оскар Bravo, это воздушный контроль. У вас нет доступа к этому уровню информации. Для вашей безопасности оставайтесь на месте. Ваше положение – ангар обслуживания номер восемь, – ответил хорошо поставленный мужской голос.

– Блин. Бот, – тихо проговорил оперативник, поняв, что имеет дело с роботом-диспетчером, и снова включил рацию. – Оскар Bravo воздушному контролю. Прошу соединить с дежурным офицером. У меня дети и тяжелобольной, требующий немедленной эвакуации.

– Это воздушный контроль. Какой у вас запрос к дежурному?

– Прошу разрешения на экстренный вылет.

– Гражданский борт Оскар Bravo. У вас запланирована дозаправка на 06 часов 00 минут утра.

– Воздушный контроль, прошу разрешить экстренный вылет. У меня хватит топлива, чтобы долететь до следующего аэропорта, – стараясь звучать убедительно, проговорил оперативник.

¹⁵ Неуправляемая ракета.

– Оскар Браво, взлетная полоса повреждена. Она непригодна для приема и отправления воздушных судов.

– Твою мать! У меня «Цессна»! Ей нужно 200 метров, чтобы взлететь. Дайте мне дежурного офицера.

– Ожидайте, – ответил приятный мужской голос и отключился.

– Вот дерьмо! – выругался Ригс, глядя, как над блоком казарм, находящихся в центре базы, после удара НУРами поднимается пламя. Заглянул внутрь ангара. Дети, разбуженные стрельбой и громким разговором, сидели на кровати друг возле друга и грызли овсяное печенье из рациона.

Погрозив им пальцем, чтобы оставались на месте, оперативник снова повернулся к своему самолету. «Цессна» стояла метрах в ста от их ангара. Можно было быстро погрузиться и улететь, если бы не было риска получить в борт ракету. Вертолета над базой видно не было, но тут наверняка стояла своя система ПВО, закрывавшая воздушное пространство. Можно было позвонить Хофману. Хотя вряд ли он из Орегона сможет быстро разругать ситуацию.

Внезапно ожила рация.

– Оскар Браво, это воздушный контроль. Вам разрешен экстренный вылет под собственную ответственность. Готовность пятнадцать минут.

– Воздушный контроль, прошу подтвердить, что Оскар Браво может безопасно покинуть базу в течение пятнадцати минут, – запросил Ригс. – Прошу подтвердить, что в отношении борта не будет предпринято враждебных действий со стороны базы.

– Подтверждаю. Гражданский борт Оскар Браво имеет разрешение на взлет с основной полосы. Враждебных действий со стороны базы не последует, – ответил робот и отключился.

Засунув рацию в карман куртки, Ригс ломанулся в ангар.

– Собираемся! Собираемся! Ловите пса! – крикнул он детям, а сам принялся будить Стива.

Минут через десять, с трудом впихнув сына на место второго пилота и побросав на заднее сидение к детям упаковку воды и несколько рационов, оперативник запустил двигатель самолета и запросил разрешение на взлет. Тот же бархатный мужской голос подтвердил разрешение и даже пожелал счастливого пути.

Набрав обороты, «Цессна» взяла короткий разбег и круто поднялась в воздух. Самолет прошел метрах в двухстах выше полыхающего на полосе транспортника и заложил крутой вираж вправо, чтобы как можно скорее отлететь в сторону от базы.

Бросив быстрый взгляд сверху на Зону 51, Ригс заметил, что ее центральная часть, где располагались казармы, склады и служебные помещения, была почти полностью разрушена и активно горела. Вокруг нее короткими искрами поблескивали огоньки выстрелов. Стрельба была интенсивной. Наверно, бой шел в самом разгаре.

– Что там происходит? Началась война? – спросил сын заплетаящимся от лекарства языком.

– Если бы я знал, – пожал плечами оперативник.

Стараясь в темноте держать курс на северо-восток, он смог выдохнуть, только когда отлетели километров на пятьдесят. Плавнов повернул самолет в сторону Рино и глянул на датчик топлива. Керосина оставалось километров на четыреста. До Рино, где его вчера вечером ждала заправка, было около двухсот. До южной границы Орегона – триста. Проблема была в том, что место, которое указал Хофман, находилось на самом севере штата. Это еще километров четыреста. Топлива туда однозначно не хватит. Нужна промежуточная заправка. Он собрался позвонить администратору, чтобы снова договориться насчет Рино, но сначала решил набрать Хофмана.

– Твою мать, Смит. Четыре часа ночи. Какого черта? Тебя что, послали с базы на три буквы? – сонным голосом проворчал старик.

– Прошу прощения, сэр. Приняли хорошо. Разместили, накормили. Но посреди ночи на базе разгорелся полноценный бой. С ракетными ударами с вертолетов и сбиванием транспортных. Мне пришлось срочно покинуть базу. Чуть ноги унес.

– И у них тоже? – зевнув, промычал Хофман. – Это хреновая тенденция. Где ты сейчас?

– Над Невадой. У меня топлива километров на четыреста. Нужна дозаправка. Думаю, сесть в Рино, как планировал раньше.

– Погоди. В Рино большие проблемы. Там были беспорядки. Ночью военные взяли контроль над городом и устроили что-то вроде местной хунты. Ты до Орегона дотянешь?

– Вроде должен. Но не до координат, которые дали вы. Думаю, керосина мне хватит... – Ригс сверился с картой. – До озера Аберт¹⁶ плюс-минус.

– Тогда держи курс на Аберт. В течение часа с тобой свяжется мой помощник, скажет, куда сесть.

Получив инструкции, оперативник развернул самолет на север и включил автопилот. Минут через сорок пришло сообщение: «Мистер Смит. Точка посадки – местный аэропорт городка Лейквью». Дальше шли координаты и частота, на которой нужно было связаться с встречающими.

Региональный аэропорт Лейквью оказался местом примечательным. По какой-то причине его полосы были спроектированы в виде равностороннего треугольника, острой вершиной указывавшего на север. Километровая полоса находилась на его правой грани, рулежная дорожка – на левой. Скромное здание аэропорта и ангары техслужбы располагались на основании треугольника. Кто придумал такую необычную и не самую эффективную с точки зрения управления полетами форму, оставалось загадкой. А еще слева от аэропорта находилось огромное поле солнечных панелей местной электростанции, питавшей окрестные населенные пункты.

На подлете Ригс получил сообщение зайти на посадку с севера. После приземления двигаться в южный конец полосы, там повернуть направо к зданию аэропорта. Еще на подлете оперативник заметил на площадке рядом со зданием вертолет. При ближайшем рассмотрении это оказался Эксплорер¹⁷, оснащенный дополнительными баками для увеличения полетной дальности.

Когда оперативник припарковал свою «Цессну» метрах в ста от аэровокзала, из вертушки вышли двое молодых крепких парней и направились к самолету.

– Мистер Смит? – спросил один из них. Сверившись с фото на своем смарте, он протянул руку. – Меня зовут Люк. Мистер Хофман прислал за вами вертолет. Он доставит вас к месту назначения.

– Я должен бросить свой самолет здесь?

– Да, сэр. Мистер Хофман просил передать, что, если вам понадобится перелет, он сможет предоставить нечто более достойное, чем тридцатилетняя «Цессна».

– Не сомневаюсь, – хмыкнул оперативник и кивнул в сторону самолета. – Со мной большой, двое детей и песик.

– Мы в курсе. Вертолет семиместный. Разместятся все, – доброжелательно улыбнулся Люк и сделал приглашающий жест в сторону Эксплорера.

Через пять минут вертушка, набрав высоту, уносила Ригса и его семью на север в направлении Портленда.

¹⁶ Крупное озеро на юге штата Орегон.

¹⁷ Многоцелевой вертолет производства McDonnell Douglas Helicopters Inc., США.

США. Орегон

Большую часть полета Ригс продремал в кресле, прокручивая в голове события последних суток и удивляясь, как быстро может измениться мир. Еще вчера вечером он наслаждался спокойствием и комфортом своего дома на берегу тихого озера в Чили, а сегодня, как выразился Хофман, «тащил свою задницу» на встречу приключениям в охваченной эпидемией Америке. И ладно бы по делам Матрицы, обычно приносящим тонны бабла. Так нет, по зову старого куратора, возможно, совсем выжившего из ума.

С другой стороны, то, что он видел в Орландо и по пути в Орегон, наводило на самые неприятные мысли. Его профессиональный интерес требовал во всем разобраться или хотя бы приложить к этому некоторые усилия, чтобы потом спокойно сказать своим внукам: «я пытался». А еще он помнил то необычное обволакивающее теплое чувство счастья, накрывшее его в ангаре, когда крошка Сью прильнула к груди. Помнил и пообещал сделать все, чтобы обезопасить внуков и если не вылечить, то хотя бы облегчить страдания сына.

Через три часа Эксплорер приземлился в восточной части нацпарка Ококо на пустой стоянке туристических автобусов, расположенной у группы колоритных сооружений в стиле времен дикого запада: салун, магазин, контора шерифа и пара жилых домов.

К вертолету вышли трое неразговорчивых молодых людей и провели прилетевших в здание с надписью «Шериф». Детей усадили за стол и высыпали перед ними коробку игрушек. Стива аккуратно уложили на кушетку. Потом один из парней положил перед Ригсом включенный планшет.

– Смит, дружище, – улыбнулся с экрана Хофман. Извини, но, чтобы продолжить общение, мы должны пройти стандартную процедуру. У нас не было контакта почти десять лет. С того самого момента, как мы нехило облажались на Украине. Я не знаю, чем ты занимался, на кого работал. Поэтому, будь добр, дай ребятам прогнать тебя через полиграф. Поверь, ничего мы из тебя выведывать не будем – просто стандартная процедура.

– Ты хочешь сказать, что нас привезли хрен знает куда, просто чтобы меня пробить на полиграфе?

– Ну, во-первых, не хрен знает куда, а в крутое туристическое место. Мы называем его «Шахта». Там, на склоне горушки, полтора века назад действительно была золотая шахта, и кое-что еще осталось, чтобы туристы могли сами почувствовать себя старателями. Сейчас эта турзона закрыта. Так что можете спокойно покопаться часок-другой. Может повезет и найдете слиток, а то и пару, – хохотнул с экрана старик. – Во-вторых, Смит, не разводи детский сад. Ты знаешь правила.

– Знаю, – буркнул Ригс. – Просто ожидал вас увидеть вживую.

– Увидишь еще. Я нетранспортабельный, – Хофман повел камерой и показал, что сидит в инвалидном кресле. – Меня тоже зацепило. Руки еще более-менее, а вот ноги совсем не слушаются. Подкашиваются, словно не мои. Стоять не могу, не то что ходить. Но голову врачи умудряются пока как-то поддерживать в рабочем состоянии. Сажу в Портленде. В полукилометре от меня больничка, церковь и кладбище. По нынешним временам – самое выгодное соседство. Как закончишь, вертушка тебя доставит ко мне. Это если все пройдет удачно.

– Ладно, – Ригс бросил взгляд на одного из встречавших. – Тащите ваши провода.

Полиграф оказался в соседней комнате. Минут через сорок Ригс вернулся к своим. Подошел к Стиву, присел рядом на кушетку и взял его дрожащую руку в свою.

– Послушай. Сейчас мы должны на время расстаться. Ты с детьми останешься здесь с этими ребятами. Место тут безопасное. Ты видел, что творится в городах. Здесь глушь, охрана. Сюда вряд ли кто доберется. Да и детям тут будет веселее. Полазят по шахте, поищут золото, поиграют в ковбоев.

– А ты? – облизнул сухие губы сын.

– Я съезжу повидаться со своим старым и, как видно, больным другом. Он говорит, что знает ответы на все вопросы. После встречи сообщу вам дальнейший план действий.

– Опять работа, – Стив отвел глаза.

– Все как всегда. Мой приятель говорит, что еще есть шанс спасти страну. Ему нужна моя помощь, – вздохнув, ответил Ригс, глядя через окно, как пилот вертолета запускает винты.

До Портленда, столицы Орегона, добрались ближе к вечеру. Вертолет приземлился на пустой парковке у гольф-клуба, расположенного в южном пригороде прямо на берегу реки. Ригса встретил молодой вежливый человек и проводил в главное здание.

Все выглядело так, будто старик превратил территорию закрытого гольф-клуба Уэверли Кантри Клуб в хорошо охраняемую базу. У основного здания, больше похожего на аккуратную дорогую гостиницу, выполненную в архитектурном стиле конца 19-го века, дежурила пара патрулей. Внешний периметр охраняли робособаки. В воздухе постоянно висели коптеры. Чуть подальше, прямо на поле для гольфа, на возгорках расположились два броневедомола армейского образца. К небольшой пристани пришвартован внушительных размеров катер с радаром и мощным прожектором. Похоже, Хофман принял почти исчерпывающие меры безопасности.

– Мистер Смит! – автоматические двери гостиницы раздвинулись, и навстречу гостю выкатил старик в дорогом инвалидном кресле. У кресла остановился похожий на овчарку робот-пес. По его бокам, словно сумки у собак-спасателей, были установлены плоские контейнеры, скрывающие то ли оружие, то ли дополнительные манипуляторы. За этой колоритной парочкой следовал крепыш в джинсах и легкой куртке, под которой угадывался бронежилет. – Бог мой, мистер Смит! Я и не думал, что нам доведется встретиться лично.

– Поверьте, я тоже, – Ригс машинально крутнул головой по сторонам, проверяя обстановку.

– Что же мы стоим на пороге? Пойдемте внутрь. Вы, наверно, голодны с дороги. Я попросил накрыть нам скромный стол, – старик джойстиком резво крутнул кресло на месте и покатился в фойе гостиницы, как и фасад, оформленное в вычурном викторианском стиле.

К фойе со стороны полей для гольфа примыкал пафосный ресторан, обставленный дорогой, изготовленной под антиквар мебелью, с большими классическими картинами на стенах, чередовавшимися с бюстами президентов и политиков времен становления Америки. На столах, сервированных расписанной золотом фарфоровой посудой и серебряными приборами, стояли канделябры с настоящими свечами. Все это музейное великолепие ярко освещалось двумя огромными хрустальными люстрами, свисавшими с высокого, отделанного витиеватой лепниной потолка.

Прокатившись через пустой ресторан, Хофман вывел гостя на широкую террасу с видом на реку и поле для гольфа. Там был сервирован круглый стол для двоих. Сервирован скромно, если сравнивать с викторианским пафосом ресторана. Посреди стола стояла горка с морепродуктами на льду: устрицы, креветки, лангустины, чищенные хвосты и клешни лобстеров. Рядом – корзинка тостами и хлебом, блюдо с дольками лимона и лайма и пяток ажурных мельхиоровых розеток с различными соусами.

– Присаживайтесь, – Хофман сделал приглашающий жест и пристроил свое кресло ближе к столу. – Я заказал морских тварей. Доктора говорят, в них много всякого полезного, что способно притормозить болезнь.

– Вы больны той же дрянью, что и все? – спросил Ригс, усаживаясь в кресло, любезно подставленное официантом.

– Да, мой друг, – сделав нарочито грустное лицо, ответил старик.

– Как заразились?

– Так же, как и все.

– То есть вы знаете, откуда пришла эта болезнь?

– С большой вероятностью.

– А правительство знает?

– Тоже с большой вероятностью.

– Она заразна?

– Практически нет. Заразиться можно только при переливании крови или при обмене физиологическими жидкостями с инфицированным. У меня, кстати, вторая стадия. Но ты не парься. Мы с тобой жидкостями обмениваться не будем. Есть еще пара способов заразиться, но о них позже.

– Лекарство есть?

– Нет, – грустно вздохнул Хофман. – Лекарства от этой болезни не существует. Во всяком случае, пока. Если вы инфицированы, то зараза остается в организме навсегда. Но! Есть препараты-ингибиторы, которые могут остановить ее развитие.

– Можно подробнее? – нахмурился Ригс.

– Можно. Только я бы порекомендовал вначале перекусить и пропустить по стаканчику. Поверь мне, так информация будет легче заходить, – старик сделал знак официанту. Тот открыл бутылку шампанского и наполнил бокал хозяину. – Извини за жалкое зрелище. Но у меня трясутся руки. Я не смогу удержать бокал или вилку, – Хофман оторвал ладонь от подлокотника кресла, и Ригс увидел, что она, как и у его сына, подергивается, словно от ударов слабым током. – За фиксированные предметы держаться еще кое-как могу, а вот бокал – увы.

– Прощу прощения, – немного смутился Ригс.

– За что? Тебе не за что извиняться. Вернее, наверно, есть за что, но ты пока об этом не знаешь. К черту все. Давай выпьем за встречу. А то меня уже достали одни и те же лица. Приятно видеть первый раз человека вживую, а не фотку в досье с грифом «Совершенно секретно. После операции подлежит ликвидации».

– Даже так? – насторожился оперативник.

– Было и такое. Ты основал Матрицу, провел ее через много в основном успешных операций. Ты, можно сказать, ее отец. А я – добрый дядюшка. Потому что несколько раз спасал тебя и твоих людей от зачистки.

– С чего такое великодушие?

– Матрица уникальна. И дело здесь не только в том, что ты собрал профессионалов. Твой самый важный козырь – это то, что у тебя не было якоря в США. Деталей о вас почти никто не знал. Так, слухи да волны неподтвержденной инфы после каждой вашей операции. Вы действовали только за рубежом. Ты в любой момент мог отдать приказ, и вся структура растворилась среди глобального хаоса. Кинул клич – и команда, подразделение, а то и вся контора снова в сборе и готова действовать. Даже я со своими возможностями не всегда мог тебя найти, когда ты мне был нужен. Я изначально считал такой формат очень полезным, поэтому и прикрывал тебя, как мог. Видишь, я оказался прав.

– Вы ожидаете благодарности?

– Вовсе нет, – качнул головой старик и открыл рот. Официант в белоснежно белых перчатках аккуратно положил туда устрицу, потом дал откусить кусочек тоста с маслом. Хофман несколько секунд жевал, задумчиво глядя на оперативника, потом с усилием проглотил и сказал: – Я не жду от тебя благодарности. Я держал Матрицу в стороне от больших дел, чтобы когда-нибудь использовать ее на проекте, который ее по-настоящему достоин. К сожалению, после тайваньского ядерного кризиса Штаты измельчали и проектов, достойных Матрицы, больше не появлялось. А сейчас и вовсе все летит к чертям. Так что не парься. Ты мне ничего не должен.

Хофман кивнул. Официант сзади аккуратно придержал голову старика, поднес к его рту бокал шампанского и наклонил так, чтобы тот сделал несколько небольших глотков.

Понаблюдав за этой необычной сценой, оперативник отпил шампанского, отставил бокал и посмотрел на стоящий рядом столик со спиртным.

– Не стесняйся. Здесь лучшие выдержанные бренди и бурбоны Америки. Только кивни, и эти сокровища окажутся в твоём бокале.

Ригс не стеснялся. Слишком много негатива свалилось на него за последние сутки. Нужно было его приглушить, чтобы спокойно воспринимать то, что скажет куратор. Чтобы не проецировать происходящее на себя лично, а постараться понять картину в целом и, если есть возможность, нащупать варианты выхода. После двух стаканов бурбона, дюжины устриц и пары хвостов лобстера оперативник почувствовал, что готов к серьёзному разговору. Как раз в этот момент появился шеф-повар и лично подал пару шикарных стейков с печеной картошкой, которые просто невозможно было оставлять на тарелке.

В результате к концу ужина Ригс чувствовал легкую эйфорию, которую даже можно было бы назвать умиротворением, если бы не предчувствие надвигающейся на Америку катастрофы.

– Вот теперь можно и поговорить, – Хофман довольно улыбнулся, подождал, пока официант установит в специальном держателе кресла закрытый бокал с бурбоном, в который была опущена длинная гибкая трубка, идущая по подлокотнику и спинке кресла к губам старика. – Давай переберемся к краю террасы, оттуда лучше видна река и закат.

Они переместились к низкому столику, на который официанты уже поставили графин с бурбоном, который пил гость, ведро со льдом и легкий закусочный сет с оливками, орешками и прочей мелочью.

– С чего бы начать? – Хофман на секунду задумался, поглаживая голову робота-овчарки, покрытую тончайшими титановыми чешуйками. Собака пристроилась рядом с креслом и положила голову ему на колени. – Наверно, с начала. Ты слышал когда-нибудь о секретных проектах, имеющих гриф доступа «МП» или «Mission Impossible».

– Как в старом голливудском боевичке? Нет, не слышал.

– Неудивительно. Я тоже узнал об этой категории, можно сказать, случайно. Мне о ней рассказал мой босс. Правда, слишком поздно, чтобы я мог что-то сделать.

– У вас был босс? – удивился Ригс.

– Представь себе, – невесело хмыкнул старик. – Так вот, в «Mission Impossible» входили проекты и программы настолько секретные, что о них знало всего два-три человека. Даже президент США не входил в их число, если сам не был инициатором. Никакой документации, никаких записей не велось. Координация и управление осуществлялись только устно через ключевых персонажей. Все остальные действовали вслепую, даже не представляя, в какой игре они участвуют. Финансирование шло через тайные фонды, о существовании которых знали единицы.

– Проекты вроде ядерного устройства на Украине?

– О нет. Гораздо более высокого уровня. Ядерный взрыв на Украине имел бы локальные последствия. Ну попинали бы мы русских в случае успеха. Ну устроили бы им проблемы в ООН. Выбили бы больше оружия и денег для хохлов, которые так и так были обречены. От всех этих действий эффект был бы локальный. Их глобальное влияние весьма ограничено. Вот русские, перехватив наше устройство, смогли использовать его на более высоком уровне. С помощью него они спровоцировали конфликт между США и Китаем, который имел глобальные последствия, а для США и вовсе стал началом заката. Вот это как раз уровень проекта «Mission Impossible». Проектов такого уровня было всего шесть. Кстати, в эпизоде одного из них поучаствовал и ты, сам того не подозревая.

– Хотелось бы узнать подробности. Чего я такого натворил глобального?

– Помнишь вылазку на Украину по зачистке биологической лаборатории?

– Не в деталях, но помню. Времени сколько прошло. Помню, как там хохлы полтора десятка мирняка положили. Помню, как мы здание сожгли. А что, зачем – не отложилось. Я тогда еще удивлялся, какого черта вы меня отправили лично все проконтролировать.

– Отправил, потому что должен был быть уверен, что там все стерилизовали: и локацию, и персонал, – Хофман потянулся ртом к трубке и сделал долгий глоток бурбона. – Лаборатория эта была непростая. Он работала по программе в рамках проекта «Mission Impossible».

– Вот как? – поднял брови Ригс.

– А теперь внимание. Проект заключался в том, чтобы через вакцинацию заразить население планеты смертельной, неизлечимой болезнью. Всех заразить, за исключением США и их союзников. Чтобы провести такую массовую вакцинацию, понадобилось запустить глобальную пандемию. Так появился ковид. Как только коронавирус распространился по всему миру, в вакцины, производимые нашими ведущими фармкомпаниями для Африки, Азии и Южной Америки, был подмешан уникальный боевой патоген. Через них он попал в кровь миллиардов людей. Сколько было заражено, до сих пор неизвестно. Мы рассчитывали покрыть и Россию с Китаем, однако, вопреки ожиданиям, те быстро создали свои вакцины и выпали из проекта. Но по-любому если бы все шло, как планировали инициаторы, под три миллиарда человек в странах юга обнулились бы. Даже без России и Китая это все равно можно было считать большим успехом.

– Какой псих придумал эту хрень? Надо быть полностью отвязанным сатанистом, чтобы обречь миллиарды на смерть.

– Этого психа звали Милиган. Холеный такой, манерный пидор с замашками английского аристократа. Он в то время был главой аппарата Белого дома и помощником президента по особым поручениям, что бы это ни значило. Я позже узнал, что его реальная функция была следить, чтобы дед¹⁸ и его администрация не выбивались из колеи, обозначенной для них хозяевами.

– Какими хозяевами? – спросил оперативник.

– Известно какими, хозяевами денег. Ты слушай дальше. Эти хозяева в то время строили под себя дивный новый мир. Для этого, по их мнению, нужно было сделать несколько вещей. Подмять под себя, а затем и подменить собой национальные государства. Это у них прекрасно получалось. В Штатах и в Европе во власти сидели их марионетки, которые успешно разваливали государственные институты. Затем предполагалось убрать сдерживающие скрепы в обществах в виде морали, этики и религии. Здесь у хозяев тоже было все на мази. Везде на Западе под видом свободы личности продвигались разнообразные гендерные девиации, извращения, сатанизм и прочая хрень. Народ толпами уводили в виртуальный мир, а новое поколение так и вовсе срослось с цифрой. Следующим шагом было создание новой социальной структуры, предполагающей прямой тотальный контроль корпоративной верхушки над населением. Я не знаю точно, как они хотели этого добиться, через чипирование, жесткую промывку мозгов или еще как, но таков был план.

– Охренеть.

– Именно это слово я использовал, когда узнал все подробности пару месяцев назад. Но вернемся к плану. На его пути стояли два препятствия. Первое – это Россия, Китай и персы. Ну и Индия где-то сбоку. Страны-цивилизации, не вписывавшиеся в новый порядок. Мощные государства со своими ценностями, устоявшейся системой взглядов и видением себя в новом мире, которые в корне противоречили хозяевам. Их влияние на глобальные процессы планировалось нейтрализовать, истощив в региональных войнах. Отсюда Украина, война в Персидском заливе и Тайвань. Второе препятствие – постоянно растущее, в основном в развивающихся странах, население планеты, сжирающее ее ресурсы и уничтожающее экологию. Для

¹⁸ Прозвище 46-го президента США среди администрации Белого дома.

этого и был запущен проект «Mission Impossible V», имевший кодовое название «Очищение». Он предполагал заражение миллиардов людей смертельной, неизлечимой болезнью и был на начальной стадии успешно развернут.

– Постойте, – нахмурился Ригс. – Если проект был успешно развернут, почему не наблюдалось глобальной смертельной пандемии? Почему не погибли те миллиарды, на которые он был направлен.

– Хороший вопрос. Вот тут мы подходим к самому интересному, что и выводит нас на ситуацию сегодняшнего дня. Ты помнишь французика, которого ты нанял, чтобы доставить ядерное устройство на Украину?

– Помню. Спецназовец. Армейский врач. С ним еще подружка была. Американка. То ли журналист, то ли блогер. Они тогда слили все русским. На время стали звездами новостей. Потом пропали.

– Так вот, когда мы уже после провала на Украине начали со всей тщательностью копать его прошлое, то выяснили следующее. Этот спецназовец по фамилии Шерно имел русские корни. Его отец – сын эмигрантов из России – в детстве имел фамилию Чернов и потом изменил ее на французский манер, став Шерно. Но не это главное. Главное, что старший Шерно был гениальным биохимиком, доктором наук и лучшим в мире специалистом по аномальным белкам.

– По каким белкам? – Ригс бросил в стакан несколько кубиков льда и налил добрую порцию бурбона.

– По аномальным. Аномальные белки, или прионы, – это самая заразная и смертельно опасная хрень, которая только существует в природе. Они, когда попадают в кровь, начинают менять под себя структуры нормальных белков и разрушают организм на более глубоком уровне, чем вирусы. Прионы уничтожают строительный материал организма – его белки. Те, с которыми работал Шерно, были известны давно. Они в основном поражают нервную систему, а значит, лишают человека контроля над жизненно важными функциями. Лекарства от этой заразы или вакцины нет и пока не предвидится.

– Если это такая страшная болезнь, почему о ней никто ничего не знает? – удивился Ригс.

– Знают, и еще как. Одно из проявлений этой болезни – коровье бешенство. Или олень. Или козье. Люди заражались аномальными белками, съев мясо животного. Через некоторое время они заболели и умирали. В 80-е было несколько вспышек в Британии, в Европе, в Бразилии. Тогда сотни тысяч голов скота отправили в могильники. Сколько людей умерло, остается тайной. Ты почитай в сети. Там много инфы накопишь.

– Почитаю, – кивнул оперативник и сделал пару глотков бурбона.

– Именно прионы решил использовать больной псих Милиган для того, чтобы убить миллиарды людей. Проблема была в том, что заразиться ими можно было, только если они напрямую попадут в кровь человека. Тут ему и пришла в голову мысль о вакцинации. Тогда сумасшедшая идея и получила статус проекта «Mission Impossible». Для всеобщей вакцинации мы запустили ковид и нагнали такой жути вокруг гриппоподобной, по сути, болезни, что у обывателя при одном его упоминании еще лет пять поджилки тряслись. Под вакцинацию старший Шерно модифицировал формулу аномального белка. Нашли крошечную, но очень востребованную немецкую фирму, которая производила стабилизатор для вакцин. Посадили туда своего человечка, который добавил в стабилизатор сыворотку, зараженную патогеном. Сыворотки нужно было совсем немного. Тридцати литров стабилизатора хватало на полмиллиона вакцин. На все про все нужно было литров двести, не больше. Патоген содержался в вакцине в мизерных количествах в рамках допустимых примесей. К тому же, чтобы его обнаружить, нужны были специальные тест-системы и сложные протоколы, которыми во всем мире обладали не больше десятка лабораторий. Обнаружить патоген обычными тестами было невозможно. Для того чтобы заразиться прионной болезнью, требовалось, чтобы в организм попал хотя бы один

аномальный белок, – старик на несколько секунд умолк и снова приложился к трубке. – Правда, и инкубационный период длился годами. Но это было хорошо, потому что позволяло всем подзабыть про истеричную вакцинацию во время ковида, а тем, кто вел проект, давало возможность подчистить концы, убрать людей, зачистить локации, изъять из обращения и уничтожить неиспользованные дозы зараженной вакцины и другие следы. Короче, выжечь за собой поляну так, чтобы потом никто никогда ничего не нашел.

– И что пошло не так?

– Твой француз пошел не так. Вернее, его папаша. Со старшим Шерно связался журналист из Викиликс. Помнишь, была такая скандальная контора в сети? Специализировалась на расследованиях и утечках. Так вот, этот глазастый парнишка обратил внимание, что несколько контейнеров с вакцинами от ковида, которые направлялись в Африку, случайно попали в Европу и США. Там с ними произошли одинаковые вещи: у всех загорелся кондиционер, поддерживавший внутреннюю температуру, и все внутренности выгорели дотла, хотя упаковка вакцин была совсем не горючей. Естественно, журналист сделал вывод, что качество вакцин, посылаемых в страны третьего мира, значительно хуже качества тех, что идут в Америку и Европу, и фармкомпании пытаются это скрыть. Нормальная тема для скандального расследования, да? – хохотнул старик. – Журналист собрал образцы и отдал их на анализ. Стандартный анализ подтвердил, что разница действительно есть, но она в пределах допусков. Вакцина от ковида для Африки так же безопасна, как и для Европы. На этом парень не успокоился и решил провести более глубокий анализ в серьезной научной лаборатории. Ближайшая была во Франции. В ней как раз и работал старший Шерно. Работал официально, по контракту с американской фармацевтической фирмой, занимающейся исследованиями аномальных белков. Работал вслепую, даже не подозревая, что создает оружие, способное убить миллиарды. Работал хорошо, потому что в рамках своих исследований модифицировал аномальный патогенный белок, который пошел в вакцину от ковида. Когда доктор Шерно провел глубокий анализ образцов, то просто о-хре-нел.

– Почему его сразу не зачистили? – Ригс вопросительно посмотрел на старика.

– Нельзя было. Он разрабатывал ингибитор, лекарство, способное остановить распространение болезни в организме. Он и его люди работали в отдельной лаборатории под нашим прямым контролем. Все секретно-секретно. Наружка-прослушка. Мы знали каждый его шаг. И все же не заметили, как он смог скопировать и передать инфу своему сыну до того, как его самого ликвидировали. Вернее, передать ее он не мог, потому что сын в то время был в Африке. Он мог ее спрятать где-то, причем так, чтобы только сын смог ее найти.

– Вы считаете, он ее нашел?

– Теперь мы почти уверены в этом. Тогда, десять лет назад, мы не обратили на младшего Шерно должного внимания. Он не был в контакте с отцом, служил в жопе мира в Мали во французском контингенте в очередной бесполезной ооновской миссии. На похороны отца опоздал. Официально старший умер от ковида. Когда приехал, покрутился по Парижу. Прервал контракт со своим полком и подался в наемники на Украину. Ну мы его и бросили. А ты подобрал. Случайно подобрал, но все же. Если бы мы знали, что наемник, которого ты послал на Украину с ядерным устройством, – это Шерно, может быть и среагировали. Но ты действовал самостоятельно. В рамках нашей договоренности ты волен был набирать того, кого считаешь нужным, и отчитывался только за результат. Мы узнали, что это тот самый Шерно, только когда дерьмо уже влетело в вентилятор и разразился вселенский скандал с ядерным устройством. В это время парень со своей подружкой уже были у русских и дотянуться до него мы не могли.

– Он идеально подходил для миссии. Француз. Доктор. Красный Крест и все такое.

– Все верно, – вздохнул старик. – Но, сдается мне, на Украину он подался не в наемники, а чтобы выполнить некое поручение покойного отца. Та лаборатория под Харьковом, которую

ты зачистил, была одной из основных локаций, где изготавливался прионный патоген. Там, на Украине, на хохлах он и тестировался. А еще там тестировался ингибитор – лекарство, способное затормозить развитие болезни. То невзрачное здание на окраине Мерефы было основной тестовой площадкой проекта «Mission Impossible V». Мозги находились под Парижем в лаборатории Шерно, а руки – там, у хохлов. Все работали вслепую. Никто ничего не знал. Но, видно, старший Шерно кого-то сумел предупредить после того, как к нему обратился журналист из Викиликс. Мы даже догадываемся, кого. За день до зачистки из Мерефы исчез один из ведущих специалистов. Поэтому мы и решили выжечь там все. Вывез этот специалист инфу и образцы из лаборатории или нет, мы не знаем. Если да, то как он планировал ими распорядиться? Встретился с ним младший Шерно или нет, не имеем представления. Поэтому все, что я скажу дальше, – это только наши предположения, но основаны они на жестких и очень неприятных для нас фактах.

– Дай угадаю. Инфа про заразу в вакцине от ковида дошла до русских, – Ригс зачерпнул жменью орешков из вазочки и бросил один в рот.

– Мы не можем сказать точно, к русским или к китайцам. Но да. Наши противники узнали о глобальном геноциде, который хотел устроить свихнувшийся маньяк из Вашингтона.

– Судя по изобилию деталей, вы принимали самое непосредственное участие в проекте, – хмыкнул оперативник, хрустя орешками.

– Принимал. Но я и понятия не имел, чем реально мы занимаемся. Вся наша, как ты сам понимаешь, очень непростая группа действовала вслепую. Только босс знал детали. Он был одним из немногих, кто обладал реальной информацией о целях проекта. Нам довели, что вся эта возня с вакцинами направлена на контроль рождаемости в развивающихся странах. Типа, привитые теряют способность к воспроизводству. По мне, так это была вполне достойная цель. Население бедных стран росло, как снежный ком. Ресурсов содержать толпы голодных у государств юга не было. А тут еще погода сошла с ума. Засухи и неурожаи стали случаться чаще. Вся эта ситуация могла закончиться глобальным миграционным кризисом. Наши модели показывали, что к середине века население планеты увеличится до десяти миллиардов. Из них около трех будут готовы рвануть из стран нищего юга в более-менее благополучный север. Ты можешь представить себе волну миграции в 2-3 миллиарда человек? – Хофман потянул из трубки бурбон и, увидев, что собеседник покачал головой, продолжил: – Вот и я нет. Европа двадцать лет назад чуть не накрылась от нескольких миллионов мигрантов, а тут миллиарды. Это была бы тотальная катастрофа. Поэтому у меня не было ни малейших сомнений, когда я участвовал в проекте, который, как мне сказали, контролировал рождаемость. Заметь, при этом нам довели, что вакцинированные патогеном бесплодия останутся здоровы и вполне доживут до старости. Гуманно? Гуманно. Но я и предположить не мог, что Милиган запустит в вакцины смертельную заразу, которая через 7-8 лет выкосит под три миллиарда. Это даже для меня было бы слишком. Я бы такой грех на себя не взял, хотя много невинной крови пролил во имя процветания Америки.

– Прекрасно. Я оценил ваши душевные муки по поводу геноцида, – скептически хмыкнул Ригс. – А теперь проясните эпидемиологическую ситуацию.

– Эпидемиологическая ситуация уверенно движется к высшей степени хреновости. Все, кто в 23-24-м годах были привиты от гриппа препаратами крупнейших международных, читай западных, фармкомпаний, получили патоген. Сейчас атипичными белками инфицированы до половины населения США и Европы, которые были основным рынком для этих компаний. Патоген восемь лет находился в инкубационном периоде, несколько месяцев назад из инфекции он начал переходить в стадию прионной болезни. Первая стадия прошла почти незаметно – рассеянность внимания, депрессия, головная боль, слабые симптомы деменции. Сейчас начинается вторая стадия – частичная потеря координации, сильный тремор, головная боль, жажда, тело перестает слушаться, провалы в памяти, спутанность сознания, неконтролируемые при-

ступы ярости. Время перехода от инкубации к болезни и ее развитие у каждого индивидуально, но обычно от инфицирования до болезни аномальные белки развиваются лет семь-восемь, а переход от первой стадии болезни к третьей, терминальной, занимает месяца три-четыре.

– Как выглядит терминальная стадия?

– Плохо выглядит. Происходит обширное поражение спинного и головного мозга. Нервная система человека распадается на фрагменты. Он теряет связь с реальностью, превращается в овощ. Теряет основные физиологические функции. Не может самостоятельно передвигаться, есть, пить, справлять нужду. Из-за этого, а может из-за того, что блокированы нервные центры, сигнализирующие о насыщении, больной постоянно испытывает дикий голод и жажду. Тело бьют частые конвульсии, потому что спинной мозг все еще посылает к мышцам отрывочные бессвязные сигналы. Иногда активизируется и головной мозг. При этом осознанность действий отсутствует напрочь. Тогда больной может совершать неосознанные импульсивные агрессивные действия. Затем наступает непосредственно терминальная стадия. Нервная система затухает. Головной мозг превращается в желе. Основные жизненно важные органы перестают получать обеспечивавшие их функционирование сигналы от спинного мозга. Человек перестает дышать. Сердце перестает биться. Короче – мрачная картина.

– Да уж, ничего хорошего. Из того, что я услышал, можно сделать пару выводов. Первое: в Штатах и в Европе сейчас эпидемия той дряни, которую вы хотели запустить восемь лет назад во всем мире. Второе: поскольку ни в Африке, ни в Азии, ни в Южной Америке эпидемии нет, хотя все они были привиты зараженными вакцинами, то можно предположить, что либо ваш проект не сработал, либо кто-то перехватил инициативу и применил лекарство, останавливающее болезнь.

– Ингибитор, – подсказал старик.

– Да, ингибитор. А раз так, то этот кто-то получил доступ к материалам украинской лаборатории. На их основе он смог создать патоген и ингибитор. Дальше он запустил патоген в Европу и США, а ингибитор – в страны юга. Сделать это можно было только через вакцинацию. С момента ковида не было глобальных пандемий. Значит, использовались вакцины в рамках сезонных протоколов. А какой самый распространенный протокол в развитых странах? Правильно, вакцинация от гриппа. Значит, противник использовал ваше оружие против вас.

– В общем, выводы правильные. Мы нашли патоген в образцах вакцин от гриппа, применявшихся в 23-м году у нас и в Европе. Мы также нашли ингибитор в десятке разнообразных вакцин, поставляемых на юг.

– Вы нашли ингибитор и не смогли его воспроизвести? Это бы спасло миллионы жизней, – удивился оперативник.

– Мы пытались. Но с этим возникли проблемы. Ингибитор, который мы получили от Шерно, не действовал на примененную против нас версию аномальных белков. В соответствии с протоколами проектов категории «Mission Impossible», вся документация, образцы и ученые были уничтожены. У нас просто не осталось специалистов, которые могли бы быстро доработать ингибитор. Мы привлекли к этой работе лучшие мозги со всего мира, завалили их деньгами и оборудованием. Они имеют все, что хотят, но процесс создания ингибитора долг сам по себе. Ученые говорят, что первый прототип будет месяца через два-три. На реальный продукт можно будет выйти еще через месяц. Это если максимально сократить фазу тестирования препарата и принять риски неожиданных побочных эффектов. То есть мы имеем четыре месяца. За это время все, кто сейчас находится во второй стадии болезни, уже перейдут в третью, и их спасение не будет иметь смысла. Мы говорим о ста – ста пятидесяти миллионах американцев, мистер Смит.

– У вас вторая стадия? – оперативник бросил быстрый взгляд на Хофмана.

– К сожалению, да.

– Когда вы ожидаете переход к третьей?

– У меня не будет третьей стадии. Я останусь в нынешнем состоянии до конца дней. Голова работает, тело нет.

– Вы нашли лекарство?

– Нет. Лекарство нашло меня, – попытался улыбнуться Хофман. – Русские передали нам тысячу доз ингибитора.

– Русские? – чуть подался вперед Ригс.

– Они самые.

– Вот это неожиданность. Если ваш старый ингибитор не подходит, а у русских есть тот, что работает, значит, это они запустили болезнь.

– Возможно, так и есть. По официальной версии у них тоже эпидемия прионной болезни, только в значительно меньшем масштабе. Они уже два месяца проводят профилактические мероприятия. И довольно успешно. Русские утверждают, что обнаружили заражение западных вакцин от ковида прионами случайно еще семь лет назад, когда в одной из лабораторий пытались раскрыть их формулу. Они уже тогда поняли, что США хотят устроить глобальный геноцид, но не дали этому хода, потому что боялись открытого вовлечения Америки в конфликт на стороне Украины. Они вообще очень деликатно тогда себя вели. Вместо этого они поставили своих ученых на изучение болезни и на разработку ингибитора. Через пару лет препарат был готов. Ну и они внедрили его в вакцины, идущие в страны юга по линии ВОЗ. Там десяток вакцин был: и полиомиелит, и холера, и оспа, и прочая зараза. Все бесплатно. Все это можно отследить по их поставкам. Поэтому сейчас только у русских есть технология и формулы ингибиторов для различных версий аномальных прионов.

– Как они объясняют эпидемию у нас?

– У них нет объяснения. Только предположения. Русские думают, что это акт биотерроризма. Мы проверили эту версию. Заражение пошло по нашему каналу через немецкую биотехнологическую фирму, производящую стабилизатор. Ту самую, которую мы использовали в «Очищении». От немцев зараженный прионами стабилизатор был поставлен в ведущие западные фармкомпании для производства вакцины от гриппа. С ней патоген разошелся по США и Европе. Мы проверили версию русских. В 23-м году, как раз когда из фирмы вышел зараженный прионами стабилизатор, туда устроился биохимик палестинского происхождения. Он отработал меньше года и уволился. Уволился и исчез. Совсем. Ни цифрового следа, ни обычного – растворился. Был человек – и нет. Мы прошли по его следам. Нашли съемную квартиру, знакомых, даже автомобиль, который он получил от фирмы. Он уже два раза успел сменить хозяев, оказался в Польше. Но мы его нашли. Так вот, в багажнике автомобиля мы обнаружили микрочастицы стабилизатора, производимого на немецкой фирме, а в них – следы прионов. На первый взгляд все выглядит так, будто он взял некоторое количество стабилизатора со склада, растворил там сыворотку с прионами и затем разбавил ее в партию, готовую к отправке на фармкомпанию.

– Откуда у палестинца прионы?

– Мы точно не знаем, – нервно дернул плечами Хофман. – До приезда в Германию он долгое время работал в Иране в исследовательском центре. Похоже, концы ведут туда. Сейчас это уже не выяснишь. Во время войны в заливе израильтяне сровняли этот центр с землей. У иранцев сейчас выяснять что-то бесполезно. Они злые, как черти, и никого к себе не пускают.

– Нихрена я в это не верю, – Ригс залпом допил бурбон и налил себе еще полстакана. – Хотите мою версию? Старший Шерно офигел, когда узнал, что по его вине погибнут миллиарды. Он передал инфу сыну, чтобы тот передал ее русским. Для этого младший Шерно и поехал на Украину.

– Зачем? Можно было прямиком лететь в Москву.

– Образцы. Из лаборатории под Харьковом скорее всего произошла утечка образцов, возможно, вместе с технологической документацией. Младший Шерно должен был ее полу-

чить на Украине и передать русским. Скорее всего, он так и сделал. Версия о том, что русские сами нашли прионы в вакцине от ковида, возможна, но простого обнаружения патогена мало. Я несильно разбираюсь в биохимии, но уверен, чтобы изучить патоген, управлять его свойствами и с нуля создать ингибитор, нужны годы исследований и тестов. Добавьте сюда пару лет на организацию производства. А вы говорите, что на второй год они уже отправляли ингибитор на юг. Нет. Они явно получили готовые формулы и описание технологий. А получив, применили их против Америки. Тот палестинский ученый всего лишь подставная фигура, чтобы пустить нас по ложному следу.

– Возможно, так все и произошло, но это ничего не меняет.

– Это меняет все. Они применили оружие массового поражения против США. Этот шаг требует ответа, – решительно заявил Ригс.

– В нормальных условиях он бы и последовал. Тогда бы Штаты и Россия обменялись ядерными ударами. Наша страна и Европа превратились бы в радиоактивную пустыню, как и треть самых густонаселенных территорий России. Но! При этом мы бы были полностью уничтожены, а русские бы выжили и продолжили развиваться на относительно чистых территориях Сибири. Со временем остатки России прибрал бы к себе Китай. Все бы зависело от того состояния, в каком Пекин вышел бы из ядерной войны. Но по-любому Европа и США были бы стерилизованы, а Россия сохранилась бы. Как тебе такой вариант?

– Хреновый вариант, – насупился Ригс. – Но не можем же мы оставить геноцид американского народа без ответа?

– Ну, во-первых, мы сами его запустили. Не забывай. А потом версия про биотерроризм вполне может быть правдой. Русские вышли на меня сами. Они знали меня еще по ядерному инциденту на Украине. Я тогда по частным каналам пытался торговаться с главой их внешней разведки, чтобы они вернули нам ядерное устройство, полученное от Черно. Поэтому они поняли, что уровень у меня достаточно высокий. Их люди вышли на меня и узнали, что у меня вторая стадия. Тогда без разговоров они передали мне тысячу доз ингибитора и попросили вывести на тех, кто реально принимает решения в Белом доме. Я сказал, что там теперь сидят одни идиоты, с которыми невозможно иметь дело, описал свой круг влияния и предложил начать разговор.

– Разговор о чем?

– О выборе будущего для Америки.

– Теперь русские определяют выбор будущего для Америки? Так нахрена мы работали последние десять лет? Нахрена народа положили кучу. Я после ядерного взрыва в проливе у Таиланда неделю спать не мог. Ведь это был мой косяк. Это я облажался с французом на Украине. Людей своих извел, чтобы выйти на русских. Сам извелся. Хотел бросить все. А теперь русские определяют будущее для Америки! – оперативник удивленно осмотрелся по сторонам, словно ожидая поддержки, но терраса была пуста. Только на входе в гостиницу стоял молчаливый телохранитель Хофмана да титановая овчарка посмотрела на него, совсем собачьи чуть наклонив вбок голову.

– Твоя реакция понятна. Я ее не осуждаю, – тяжело вздохнул Хофман. – То, что произошло, произошло. К сожалению, ничего изменить нельзя. Через пару месяцев у половины американцев наступит третья стадия прионной болезни. Давай я тебе опишу, что тогда произойдет. Сейчас признаки эпидемии еще не массовые. Ко второй фазе перешла только та категория больных, у которых аномальные белки реплицируются быстрее, чем у остальных. По нашим прикидкам, это миллионов тридцать-сорок по всей стране, – старик, неуклюже извиваясь, поерзал в кресле и, взглянув на Ригса, попросил: – Будь добр, плесни в мой стакан еще бурбона и брось мне в рот пару орешков.

Когда Ригс встал с кресла, кибер-овчарка подняла голову с колен старика и тихо заурчала.

– Спокойно, – хозяин положил ей руку на холку. – Это Берта. Мой постоянный телохранитель и помощник. Забавная штука. Преданная, верная и жуть какая умная. С ней можно говорить. Она может читать тебе книги, включать любимую музыку. Через нее можно звонить или использовать в качестве личного ассистента. Ну и у нее неплохой арсенал в боевом блоке на боках. К тому же, чтобы ее нейтрализовать, нужен Баррет¹⁹ или РПГ. Так что вещь очень полезная. Только вот бурбона налить не может. Хотя есть опции с манипуляторами. Но тогда придется пожертвовать оружием.

– Не проще ли было взять гуманоида? – оперативник налил старику полстакана и бросил туда пару кусков льда. Потом зачерпнул ложкой пару орешков и в нерешительности замер.

– Не стесняйся, – криво улыбнулся Хофман. – Я понимаю, ситуация выглядит комично, но что поделаешь. Только не толкай орешки мне в глотку, а то я подавлюсь. Положи на язык. Спасибо, – старик пару секунд задумчиво хрустел, глядя на зависшее над горизонтом солнце. – Вот, ты говоришь, гуманоид. Знаешь, а мне с собачкой комфортнее. По ней видно, что она робот. А с человекоподобными все сложнее. Последние модели вообще не отличить от людей. Нет. Я уж лучше с Бертой. Правда, псина ты титановая? – он снова потрепал робота по холке. Тот заурчал от удовольствия и благодарно завилял хвостом.

– М-да, – Ригс вернулся в кресло и сделал глоток. – Значит, русские.

– Мы точно не знаем. Могут быть и китайцы, и арабы. Да кто угодно. Даже свихнувшийся маньяк изнутри проекта «Очищение», решивший по какой-то причине наказать Америку.

– Что ж за причина такая должна быть?

– Да любая. Жена изменила. Любовница не дала. Прыщик на заднице вскочил. Это наше поколение было воспитано преодолевать трудности и лишения. А молодняк совсем нежный. Чуть какая проблема, сразу к юристу, доктору или психологу. И хорошо, если доктор – человек, а если нейросеть? – Хофман недовольно поерзал в кресле. – Пойми. Сейчас суть не в том, кто запустил в Штаты эту заразу, а в том, что мы стоим на грани тотальной катастрофы. Коллапса всего. Уничтожения государства, которое наши предки строили по кирпичику почти триста лет. Через пару месяцев Америка рухнет. Большая часть людей войдет во вторую или третью стадии. Вооруженные силы, правительство, местные власти, экстренные службы – все полетит к чертям. Государство развалится на зоны. Эти зоны будут контролировать группы здоровых людей. Хорошо, если это будут военные. А если бандиты? Тогда жуткие картинки из «Бешеного Макса» покажутся безобидными мультиками. Ты видел, что творилось на базе в Зоне 51?

– Ну да. Там шел полноценный стрелковый бой. На моих глазах сбили «Блэк Хок»²⁰ и взорвали пытавшийся взлететь транспортник С-130. Это выглядело, как нападение извне.

– Черта с два, – Хофман через трубку втянул бурбон и с удовольствием выдохнул. – Там взбунтовались больные военные. Семьдесят процентов личного состава базы были помещены в карантин. После заявления президента и вице они стали требовать, чтобы их перевезли в госпиталь. Когда их требования не были выполнены, зараженные организовали мятеж и попытались захватить транспорт, чтобы перелететь в Лас-Вегас. Там они планировали завладеть госпиталем и заставить врачей их лечить. Понимаешь? Пара сотен вооруженных солдат в Лас-Вегасе. Там и так все стоит на ушах, а тут еще эти.

– Они не знали, что болезнь вылечить нельзя?

– Не знали. Как и большинство американцев. А может и знали. Какая сейчас разница. Факт в том, что они устроили мятеж. Те, кто не был инфицирован, пытались их остановить, но больных было большинство. Через пару часов после вашего вылета здоровым был дан приказ

¹⁹ Barrett M82 – американская самозарядная крупнокалиберная снайперская винтовка.

²⁰ Sikorsky UH60 Black Hawk – многоцелевой вертолет вооруженных сил США.

укрыться на подземных уровнях. Потом всю базу накрыли с воздуха термобаром²¹. Выгляди там все нахрен. И это только начало. Понимаешь?

– Понимаю, – задумчиво кивнул Ригс. – Я, кстати, видел достаточно много людей, которые не были заражены. Иммунитет?

– Вряд ли. От губчатой энцефалопатии, так называют прионную болезнь, нет иммунитета. Не заражены только те, кто восемь лет назад не получал прививки от гриппа. Прививки не получали те, у кого не было медстраховки, то есть жители бедных гетто, бомжи, наркоманы, гопота, самый отстой общества. Не получали идейные антипрививочники, те, кто не бегал к докторам по малейшему поводу. Ну и те, кто был за рубежом: в Африке, Южной Америке и в основном в Азии. Там у нас самые крупные базы. Это военные. Их там кололи японскими чистыми прививками. Ну и молодых тоже не кололи. Тех, кому в 23-м было меньше четырнадцати, по протоколам Минздрава не прививали, чтобы у них формировался собственный естественный иммунитет к гриппу. Это значит, что почти вся молодежь не заражена. У нас растет чистое, здоровое поколение американцев. Мы не можем рисковать этим поколением. Они – наше будущее.

– Понятно. Тогда все сходится, – оперативник вспомнил сержанта Джейн и ее парней, бандитов, грабивших дом его сына, и старину Брука с фляжкой. «Я к докторам не хожу. Вот мое лекарство.»

– Сходится. Но картина получается безрадостная.

– Конечно. Америке ведь пришла кабзда. Может можно еще что-то сделать?

– Больных уже не спасти, – сокрушенно покачал головой Хофман. – Но можно попытаться спасти Америку. Для этого нужно собрать всех здоровых на восточном и западном побережье и сделать там две чистые зоны. Остальных согнать в центральные штаты. С чистых зон через год-два начнется возрождение Америки. Это охрененно сложно. Охрененно жестоко по отношению к больным, ведь их придется либо ликвидировать, либо выдавить из чистых зон в центральные штаты и оставить там умирать. Это охрененно затратно потому, что мы на пару лет потеряем доступ к большей части промышленности и инфраструктуры. Потом понадобится еще лет пять, если не десять, чтобы все восстановить. Надо понимать, сынок, что на время мы превратимся в страну третьего мира. Но выживем. Во всяком случае, вероятность этого сейчас достаточно велика, пока все еще находится более-менее под контролем.

– Вы вызвали меня, чтобы я помог в реализации этого плана? – поднял брови Ригс. – Не вижу, чем я могу быть вам полезен. Я не управленец, не спец по логистике.

– Я знаю, по чему ты спец, – хитро подмигнул старик. – Поэтому тебя и вызвал. План создания чистых зон может сработать. Но на пути его осуществления стоит одно серьезное препятствие. Белый дом. Вернее, злобный веган Милиган.

– А он каким местом в этом завязан?

– Он в этом дерьме по самые уши. Этот псих вначале запустил «Очищение». Потом хотел стать президентом. Но, насколько я понял, его не пустили хозяева. Им нужен был серый кардинал в Белом доме, который дергает за ниточки, оставаясь в тени. Чем, собственно, он и занимался последние шесть лет. Когда Милиган понял, что болен прионной болезнью, то прошелся по всей цепочке. Вышел на Черно, Украину и зараженные вакцины от гриппа. Естественно, в его воспаленном мозгу кликнул выключатель и он сделал вывод, что это дело рук русских. Когда ему доложили о масштабах заражения Америки, он, как и все, охренел. Но если все просто впали в депрессию, то этот псих начал готовить план мести Москве. Он хочет нанести по ним массированный ядерный удар. У Милигана сейчас начинается вторая стадия. Когда он перейдет к третьей, он отдаст приказ о ядерной атаке на Россию, а сам примет яд.

²¹ Термобарическими боеприпасами.

– Из того что я вижу, Россия это заслужила. Они применили против нас самое страшное оружие в истории.

– Не спорю. Хотя тут с точки зрения морали может быть и другая позиция. Но дело не в морали. Как я уже сказал, после обмена ядерными ударами Америка перестанет существовать. Совсем. А Россия останется. Такой расклад никак не устраивает хозяев.

– Так пусть прикажут Милигану отставить, – пожал плечами Ригс.

– Пытались. Тот их просто послал. За время работы Милиган создал собственную структуру верных лично ему людей. Свое собственное глубинное государство. Сейчас эти люди контролируют ядерные силы США и готовятся к удару по России.

– Дайте ему ингибитор. Может он успокоится?

– Вряд ли его устроит жизнь в кресле, когда тебя кормят с ложечки. Этот маньяк собирается уйти, громко хлопнув дверью.

– Да уж, ситуация, – оперативник потянулся за стаканом. – И где в этой картине я?

– Как обычно, на острие копья, – с видом опытного заговорщика подмигнул Хофман. – В течение недели мы начнем переговоры с русскими о будущем Америки. Место переговоров – Турция. Скорее всего, Стамбул. Мне нужно, чтобы Матрица обеспечила силовое прикрытие.

– Почему не ЦРУ или РУМО?

– Потому что в этих конторах наверняка сидят люди Милигана. А еще потому, что большая часть оперативников больна, и либо забили болт на службу и пытаются найти лекарство, либо находятся в состоянии перманентного стресса от осознания своей неизбежной гибели. К тому же Матрица сейчас является, пожалуй, единственной значимой, полностью боеспособной единицей, которая может выполнить задание такой сложности. Есть еще пара частников, но им далеко до твоего уровня. Их мы в любой момент можем подключить для массовой. Кстати, как у твоего персонала с заражением?

– В последнем докладе не было ничего по поводу выбытия штатного персонала. По наемникам я уточню. А еще отправлю специальный запрос, чтобы все прошли обследование.

– Отправь. Когда операция в Стамбуле закончится, возьмем анализы крови у всех и передадим в одну из наших лабораторий, где есть тест-системы на прионы. Тогда будешь знать наверняка.

– Что вы от меня ожидаете в Стамбуле? – Ригс сделал глоток бурбона.

– Оперуха высокого уровня: наблюдение, контроль, блокирование подозрительной активности, при необходимости ликвидация целей.

– Кто определяет цели?

– Цели будут определены по ходу. Не исключено, что Милиган узнает о переговорах. Тогда он попытается их сорвать. Отправит боевые группы, чтобы те положили русских, а все выглядело, словно это сделали мы. Такого нельзя допустить. Ну а по концовке мы сами примем решение по русским. Во время переговоров они узнают много чего секретного. Так что если переговоры провалятся, нам нет смысла их отпускать. В этом случае мы все свалим на Милигана.

– У русских наверняка будет своя группа прикрытия, – поднял брови оперативник.

– Конечно, будет. Они же не идиоты. Поэтому я и пригласил тебя.

– Что в этом для меня?

– Что ты хочешь? – чуть прищурившись, спросил старик.

– Не знаю, – ответил Ригс.

– Ты будешь частью команды, которая спасла США, а может быть, и весь мир от уничтожения. Частью группы избранных, которые будут строить новую Америку на руинах старой. Помимо морального удовлетворения, в этой новой Америке ты можешь иметь все, что захочешь. Нет такой цены, которую бы мы не готовы были заплатить, чтобы остановить Милигана

и осуществить План Спасения. Так что плата за участие Матрицы превзойдет все твои ожидания. Деньги, золото, должности, земли, компании, банки – выбирай все, что пожелаешь.

– Думаю, когда осядет пыль, моим единственным желанием будет забиться в дикую глушь, чтобы не видеть, не слышать и не вспоминать.

– Ты уверен? – скептически хмыкнул Хофман. – А сын? А внуки?

– Кстати, о сыне.

– Не беспокойся, – поднял дрожащую руку старик. – Утром на «Шахте» будут мои врачи. Они осмотрят Стива и введут ему ингибитор. Еще они привезут ему кресло почти такое, как у меня. Это его не вылечит, но остановит болезнь. Он как минимум сможет передвигаться самостоятельно. Из того, что я слышал, твой сын только вошел во вторую стадию. Он может держаться на ногах. Да и трясет его не так, как меня. Потом мы определим его и детей в безопасную зону, куда будут собраны семьи всех, кто занят в Плате Спасения. Там будет все необходимое для нормальной жизни.

– Спасибо, – благодарно кивнул оперативник.

– Мы заботимся о своих людях. Особенно сейчас. Так ты в деле?

– Похоже, у меня нет выбора, – пожал плечами Ригс. – Моя семья зависит от вас. Я уже знаю слишком много, чтобы соскочить. Ну и Америку, конечно, жалко. Я не тяну на спасителя мира. Но если есть шанс уберечь страну от полного уничтожения, то я в деле.

– Вот прекрасно, – Хофман втянул в себя добрую порцию бурбона и довольно улыбнулся.

– Тогда я свою роль вербовщика выполнил. Детали операции ты обговоришь с моим помощником.

– Можно пару вопросов, прежде чем вы меня передадите помощнику?

– Валяй, – только брось мне в рот еще пару орешков.

– Я пока не знаю объем работы и не могу планировать ресурсы. Сразу после получения брифа Матрица вышлет в Стамбул передовую группу. Пойдут расходы.

– Об этом не беспокойся. Челси, мой помощник, откроет тебе доступ к одному из блоков оперативных счетов в валютах и в крипте. Последний раз, когда я просматривал бухгалтерский отчет, там было около ста миллионов долларов. Хватит для начала?

– Более чем, – уважительно покачал головой оперативник, прикидывая, сколько таких блоков может быть в распоряжении старика.

– Трать свободно. Ни в чем себя не ограничивай. Доллар скоро превратится в пыль.

– Следующий вопрос чуть сложнее. Уровень делегации русских и предмет переговоров.

– Из Москвы приедет глава их внешней разведки. У него чрезвычайные полномочия и статус посланника президента по особо важным поручениям. А тема... – старик пристально посмотрел Ригсу в глаза. – На побережьях мы сформируем две чистые безопасные зоны. Западная будет состоять из Калифорнии и Орегона. В восточную будут входить Северная, Южная Каролина, Джорджия и Флорида. Мы планируем собрать там около 70-80 миллионов здоровых. Это будут две хорошо охраняемые территории, живущие в режиме военного времени. Власть будет у военных администраций. Границы, комендантский час, карточный режим, никакой демократии. Все максимально серьезно. Мы в принудительном порядке выдадим всех больных за пределы чистых зон в центральные штаты. Вот тут начнутся проблемы. Как только мы объявим о создании чистых зон и пригласим туда всех здоровых, центральные штаты поймут, что их кинули. Вначале они постараются бороться с эпидемией самостоятельно. Ну, как бороться. Если им удастся избежать тотального хаоса и подавить бандитов, то, скорее всего, они будут действовать по нашему плану. Тот, кто придет к власти, если у него есть хоть немного мозгов, попытается собрать всех адекватных здоровых в закрытые чистые зоны и обеспечить им более-менее нормальную и безопасную жизнь. Остальных оставят умирать на территориях, которые будут контролировать бандиты. Однако ресурсов, чтобы удерживать контроль над местными чистыми зонами, у них будет недостаточно. Тогда к власти придут бандиты или мятежные

военные. Мы предполагаем, что они смогут создать конфедерацию центральных штатов, где будет 40-50 миллионов здоровых, и напасть на восточную или западную чистые зоны. Войск, чтобы их защитить, у нас будет недостаточно. Если сейчас все пустить на самотек, к мятежникам попадут военные арсеналы. У них будет артиллерия, авиация, вертолеты, а это, сынок, полноценная гражданская война. Чтобы ее не допустить, нам и нужны русские.

– Вы хотите попросить о военной помощи тех, кто устроил в Америке этот хаос? – чуть склонив голову, спросил Ригс.

– Нам больше некого просить. Одни мы не справимся. Мы от силы сможем собрать тысячу здоровых военных. Это по пятьдесят на зону. Плюс привлечь молодежь, тех, кому сейчас 20-21. Но их еще нужно обучать и тренировать. Максимум, на что они способны, – это патрулировать территорию зон. Благо, с железом проблем не предвидится. Мы сюда со всего мира перегоним все, что сможем, из авиации и тяжелой техники. Всего этого недостаточно, чтобы противостоять объединенной мощи сорока внутренних штатов. А если впустим Китай, то он уже никогда отсюда не уйдет. К тому же у русских есть ингибитор. Они могут спасти часть нужных нам людей, которые пока не перешли во вторую стадию болезни.

– Какова их конкретная роль?

– Если переговоры в Стамбуле пройдут удачно, мы попытаемся ликвидировать Милигана и по максимуму зачистить его людей.

– Он может отдать приказ на ядерный удар.

– Может. Все три ключа от ядерной триады находятся у него. Мы должны сделать так, чтобы они не сработали. Милиган через Пентагон плотно контролирует военных. Вернее, думает, что контролирует. На самом деле у нас есть рычаги влияния на ключевые фигуры. Они все в возрасте и все больны, – Хофман многозначительно приподнял брови.

– Ингибитор, – догадался оперативник.

– Он самый. Как ты думаешь, почему твою «Цесну» приняли на совершенно секретной базе в Неваде? Потому что командующий USNORTHCOM²² лично связался с командиром базы и приказал принять гражданский самолет. У него и у его детей первая стадия, и он очень не хочет, чтобы она перешла во вторую.

– Это эффективный рычаг.

– Им-то мы и воспользуемся, чтобы заблокировать приказ Милигана на ядерный удар по России, – кивнул Хофман. – Когда этот псих будет нейтрализован, мы объявим о создании чистых зон. Одновременно с этим русские высадятся с воздуха в центральных штатах и возьмут под контроль основные военные базы и арсеналы армии США и нацгвардии.

– У них нет столько транспортников, чтобы провести такую масштабную воздушную операцию, – покачал головой Ригс.

– Самолеты будут наши. Заправщики тоже. Мы предполагаем, что командование будет совместным.

– Получается, что вы, по сути, отдадите им центральные штаты.

– Риск есть. Но русские – наивные моралисты. История ничему их не научила. Если они дадут слово, поставят подпись под договором, то наверняка четко будут его исполнять. А договор мы постараемся составить таким образом, чтобы после выполнения миссии они получили свои плюшки и убрались.

– То есть русские запустили к нам заразу. Мы им фактически отдали наши арсеналы и вдобавок за все это еще и заплатим?

– Конечно, заплатим, – хмыкнул Хофман. – Не бесплатно же они будут туда-сюда гонять войска и резаться с бандитами в заполненных зомби городах. Они получают свою плату. Но это будут не деньги.

²² Северное командование вооруженных сил, территориально отвечающее за США и Канаду.

– Территории? – предположил Ригс.

– Нахрена самой большой стране в мире территории? Они и свои толком освоить не могут. Нет, территории им не нужны. Им нужны гарантии о ненападении, типа договора о дружбе и сотрудничестве между США, Россией и Китаем. Возможно, Индией. Они хотят создать на основе четырех стран что-то похожее на глобальный управляющий совет, который был бы способен решать мировые проблемы. Ну и для себя хотят наши технологии в робототехнике и искусственный интеллект. В этих областях они безнадежно отстали от США и Китая.

– Вы все это им дадите?

– Мы все это обозначим в договоре. Дадим или нет, будет видно по окончании операции «Очищение».

– Опять «Очищение»? – нервно повел плечами оперативник.

– На этот раз очищение Штатов от заразы и возвращение к корням. И здесь я имею в виду не болезнь, а ту либеральную отраву, которой поили американцев последние 30 лет.

– Как-то все запутано у вас. Накрутили столько всего, что голова кругом идет. Впрочем, как всегда.

– Тут ты прав. Что-что, а искать на свою задницу проблемы мы мастера. Ну да ладно,

– Хофман взглянул на солнце, опускающееся в рощу на другом берегу реки. – Уже поздно. Плесни-ка мне еще бурбона. Давай выпьем за наш успех.

– А что, по-вашему, в этой ситуации будет успехом? – Ригс налил старику немного бурбона.

– Как минимум сохранение Америки как единого управляемого государства. Конечно, болезнь отбросит нас назад. Мы не сможем в полной мере вмешиваться в глобальные процессы или даже влиять на них. Но, я надеюсь, мы останемся в верхней пятерке самых мощных государств планеты. Может, это и хорошо – быть равным среди великих держав. Видишь, куда нас привела жажда гегемонии, усиленная комплексом собственной исключительности и богоизбранности.

– То есть конкретного плана нет?

– Почему нет. Есть. Мы предполагаем, что за несколько месяцев все больные отмучаются и оставят этот мир здоровым. Их на территории Штатов останется миллионов 100-120. Из них половина в чистых зонах. Следующим шагом нам придется восстановить контроль над центральными штатами. На это уйдет пару лет. Затем начнется наведение порядка и постепенное расширение чистых зон, пока они не сольются в центре в одно государство. Это будет зависеть от степени сопротивления центральных штатов, но, я думаю, лет за пять мы справимся. То есть активная фаза продлится лет семь-восемь. Из них первый год самый критичный. Ну а дальше – восстановление экономики и демографии. Тут работы хватит на десятилетия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.